

Очерки характера индейцев,
представляющие собой краткий обзор
основных черт характера
североамериканских индейцев;
иллюстрируют афоризм социалистов о
том, что "Человек - создание
обстоятельств"

Джеймс Нейпир Бейли

SKETCHES OF
INDIAN CHARACTER:

BEING A BRIEF SURVEY OF THE

PRINCIPAL FEATURES OF CHARACTER

EXHIBITED BY

THE NORTH AMERICAN INDIANS;

ILLUSTRATING THE APHORISM OF THE SOCIALISTS, THAT

"MAN IS THE CREATURE OF CIRCUMSTANCES."

COMPILED BY JAMES NAPIER BAILEY.

Электронная книга проекта Гутенберга с зарисовками индийского характера

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Зарисовки индийского характера

Автор: Джеймс Нейпир Бейли

Дата выхода: 27 ноября 2018 [Электронная книга № 58363]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Ларри Б. Харрисоном и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЗАРИСОВКИ ИНДИЙСКОГО ХАРАКТЕРА" ***

ОЧЕРКИ ХАРАКТЕРА ИНДЕЙЦЕВ: КРАТКИЙ ОБЗОР ОСНОВНЫХ ЧЕРТ ХАРАКТЕРА, ПРОЯВЛЯЕМЫХ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИМИ ИНДЕЙЦАМИ; ИЛЛЮСТРИРУЕТ АФОРИЗМ СОЦИАЛИСТОВ О ТОМ, ЧТО "ЧЕЛОВЕК - СОЗДАНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ".

СОСТАВЛЕНО ДЖЕЙМСОМ НЕЙПИРОМ БЕЙЛИ.

"Чтобы завершить историю человеческого разума и достичь совершенного знания его природы и действий, мы должны созерцать человека во всех тех различных ситуациях, в которые он был поставлен. Мы должны следовать за ним в его продвижении по различным стадиям развития общества, по мере того как он постепенно продвигается от младенческого состояния гражданской жизни к ее зрелости и упадку. Мы должны наблюдать в каждый период, как развиваются способности его понимания; мы должны следить за усилиями его активных сил, наблюдать за различными движениями желания и привязанности, когда они поднимаются в его груди, и отмечать, куда они ведут и с каким пылом проявляются".

Робертсон.

Лидс:

НАПЕЧАТАНО И ИЗДАНО ДЖОШУА ХОБСОНОМ, МАРКЕТ-СТРИТ, БРИГГЕЙТ; ПРОДАЕТСЯ АБЕЛЕМ ХЕЙВУДОМ, ОЛДХЭМ-СТРИТ, МАНЧЕСТЕР; ПАТОНОМ И ЛАВ, НЕЛЬСОН-СТРИТ, ГЛАЗГО; ДЖОНОМ КЛИВОМ, ШУ-ЛЕЙН, ФЛИТ-СТРИТ, ЛОНДОН; И ВСЕМИ КНИГОТОРГОВЦАМИ.

ЗАРИСОВКИ ИНДИЙСКОГО ХАРАКТЕРА.

История народов полностью подтверждает тот факт, что характер человека является результатом воздействия обстоятельств на его организм. Эта великая и важная истина написана такими широкими и разборчивыми буквами на страницах человеческой летописи, что ее легко отличить и вряд ли можно ошибиться. Среди грубых и диких племен мы различаем черты характера, которые отчетливо относятся к влиянию причин, свойственных дикому состоянию; а среди членов цивилизованных сообществ мы наблюдаем проявление добродетелей, пороков и талантов, которые также объясняются действием обстоятельств, отличных от тех, которые определяют характер варварских народов. Существует заметное различие между варваром с Лабрадора и уроженцем Лондона или Парижа; однако это различие является скорее результатом случайности, чем природы, и, вероятно, со временем исчезло бы, если бы стороны подвергались влиянию сходных институтов.

Ни у какого народа мы не находим более поразительных подтверждений истинности вышеприведенного учения, чем у аборигенов Североамериканского континента. В характере этой несчастной, но благородной расы людей мы находим много поразительных особенностей, которые могут быть приписаны только влиянию тех обстоятельств, в которых находятся индейские племена, и которые выделяют их как объекты особого интереса для историка-философа.

Европеец утончен, проницателен и хитер; азиат тщеславен и показно сладострастен; африканец терпелив, подобострастен и унижен; а североамериканский индеец надменен, воинствен и независим. Несомненно, существуют причины для всех этих разнообразных особенностей национального характера, развитие которых в отношении индейцев Америки составит предмет настоящего трактата.

В попытке доказать, что человек является созданием обстоятельств, путем быстрого изучения положения североамериканских индейцев, нашему вниманию представляются два метода. Первый и наиболее очевидный состоит в выделении основных черт индейского характера и сопоставлении их с действием причин, характерных для индейских племен. Второй метод состоит в том, чтобы оценить усилия, приложенные белыми людьми для развития цивилизации американцев, и хороший или плохой успех, сопутствовавший их усилиям. Поэтому при обсуждении данного вопроса мы будем использовать оба этих метода, насколько позволят наше пространство и возможности.

Можно сказать, что индийский характер представляет собой сочетание добродетелей и пороков дикой жизни. Храбрый, великодушный, надменный и жестокий, североамериканский дикарь движется твердой поступью и с достоинством, которые отличают его как монарха дикой природы. Африканец подчиняется рабству; североамериканский индеец предпочитает ему

изгнание и даже смерть. Мы жалеем и угнетаем первого, потому что его терпеливое выполнение труда придает ему значимость, в то время как мы пытаемся путем жестоких посягательств уничтожить второго, потому что его земли пригодны для использования, и он презирает возможность стать нашим слугой. Такова всегда была политика мнимых христиан и таковы усилия европейской цивилизации по отношению к этой несчастной расе людей.

Краснокожий индеец быстро исчезает из своих родных лесов. Прерия, которая когда-то оглашалась его пронзительным боевым кличем, теперь оглашается грохотом западной винтовки. Его охотничьи угодья стали добычей бледнолицых; большой нож одержал верх над томагавком; и могила свободного человека уже зияет, чтобы принять дикаря из диких мест.

Когда Лас Касас предстал перед императором Карлом V, чтобы поспорить с Кеведо, епископом Дарьенским, о способности южноамериканских индейцев к социальному совершенствованию, “он с негодованием отверг идею о том, что какая-либо раса людей рождена для рабства; и утверждал, что способности американцев не были презренными, но неразвитыми; что они были способны получить наставления в принципах религии, а также приобрести трудолюбие и искусства, которые сделали бы их пригодными для различных должностей в общественной жизни; и что мягкость и робость американцев были вызваны к жизни в рабстве”. часть их натуры сделала их настолько послушными и покоряющимися, что их можно было вести и формировать нежной рукой “. Напротив, епископ Дариенский утверждал, “что они были расой людей, отмеченных недостаточностью их талантов для служения; и которых было бы невозможно обучить или улучшить, если бы они не находились под постоянным контролем хозяина”. [1] К позору испанского имени, чувства Кеведо получили большее всеобщее признание, чем истины, высказанные страстным и красноречивым Лас Касасом. Индейцы все еще содержались в состоянии рабства первооткрывателями и тиранами Запада; и под предлогом избавления их от идолопоклонства и обучения принципам *христианской веры* они были вынуждены терпеть самое унижительное рабство и выполнять различные нездоровые работы, которые вскоре положили конец их существованию и едва ли оставили хоть какой-то остаток их преданной расы, чтобы рассказать историю своего угнетения и своих страданий!

Таковой всегда была политика тех, кто, подстегиваемый непомерным и всеохватывающим эгоизмом, желает тиранить своих собратьев и попирает их права, их свободы и их жизни. Такая политика также не является недостатком со стороны тех, кто либо является, либо желает быть угнетателями североамериканских индейцев. Белые, за немногими исключениями, осуждали дикарей Америки как жестокую, кровожадную и вероломную расу людей, неспособную к совершенствованию и, следовательно, недостойную того внимания, которое уделялось цивилизации других варваров. То, что это всего лишь предлог, под прикрытием которого могут быть совершены самые ужасные преступления, — опиум для виноватой и обвиняющей совести, — должно быть очевидно всем, кто сделал индейский характер предметом своего специального изучения. Но поскольку европейцы, благословленные всеми лучами цивилизации и всем влиянием религии, якобы ниспосланной с небес, не только пытались, но и постоянно пытаются вторгнуться на охотничьи территории индейцев, конечно, должно быть изобретено какое-то оправдание, чтобы смягчить их чудовищные поступки и оградить их поведение от того всеобщего порицания, которого оно заслуживает. Таким образом, аборигены Америки представлены лживыми, жестокими и кровожадными, а также неспособными выйти из своего нынешнего состояния невежества и варварства.

До принятия законопроекта об освобождении католиков противники этой меры привыкли представлять жителей Ирландии как фракционных, недовольных и непокорных. Допуская, ради аргументации, правдивость этих утверждений, мы спрашиваем, почему жители Ирландии проявляли эти национальные особенности? Просто потому, что они долгое время подвергались раздражению и угнетению со стороны актов нелиберального правительства. И если мы признаем, что индейцы Америки все еще находятся в состоянии варварства и что они проявляют большинство, если не все, пороков, присущих дикому состоянию, то не можем ли мы задаться вопросом, почему они продолжают оставаться в таком состоянии? Ответ, на наш взгляд, очевиден. Белые редко пытались вывести их из состояния первоначальной дикости, поскольку почти все меры, которые они принимали по отношению к индейцам, были лучше приспособлены для угнетения, чем для восстановления, для уничтожения, чем для возрождения.

Пытаясь дать читателю приблизительное представление об индийском характере, необходимо обратить внимание на все элементы, входящие в его состав. Поэтому мы будем рассматривать в первую очередь —

О телесном строении североамериканских индейцев и о степени их интеллектуальных способностей.

Робертсон в своих графических изображениях индейского характера утверждает или, скорее, намекает, что конституция американских индейцев страдает каким-то физическим недостатком. Но то, что этот недостаток является случайностью, возникшей под влиянием особых институтов и способа воспитания, господствующего среди индейских племен, подтверждается фактами, которые приводит сам этот историк. Американский индеец может быть ленивым в мирное время. Крайняя усталость и очевидный недостаток физической энергии могут формировать наиболее заметные черты его характера. Но когда война требует от него усилий на поле боя или когда естественные потребности вынуждают его отправиться на поиски пищи, он проявляет мужество, ловкость и количество физической энергии, которые доказывают, что он обладает физической силой, равной той, которую демонстрируют уроженцы более утонченного и цивилизованного климата. Именно в сезон охоты или войны проявляются наиболее напряженные проявления мужества, силы и активности. Дикарь Америки в такое время, кажется, избавляется от присущей ему лени. Он становится терпеливым, активным, мужественным и неутомимым. Все силы его ума и тела приведены в действие; и он совершает подвиги ловкости и силы и проявляет определенную степень упорства, которые доказывают, что в этих отношениях он равен уроженцам Европы.

Это правда, что демонстрация настойчивости и силы со стороны американского дикаря не постоянна, а случайна. Только когда яростные страсти побуждают его к действию, он проявляет все свои силы. Тем не менее случайное проявление этой силы и упорства доказывает, что противоположные качества не являются существенными для его натуры; и, по-видимому, подтверждает вывод, что лень и недостаток энергии, которые характеризуют его характер, являются результатами той особой системы воспитания, которой он был подвергнут.

Известно много примеров неутомимой скорости американцев. Адэр упоминает воина-чиккасаха, который пробежал по лесам и через горы триста расчетных миль за полтора дня и две ночи. “Я знал индейцев,” замечает он в другом месте, “которые ради мести преодолевали

тысячи миль по непроходимым лесам, через холмы и предгорья, через огромные тростниковые болота, подвергаясь резким перепадам температуры и холода, смене времен года, голоду и жажде. Таков их чрезмерно кипучий мстительный нрав, что они совершенно презируют все эти вещи как воображаемые пустяки, если они настолько счастливы, что могут заполучить скальп убийцы или врага, чтобы удовлетворить жаждущие призраки своих умерших родственников”. Робертсон в примечаниях к своей “Истории Америки” утверждает, что “М. Годен ле Жен, проживший пятнадцать лет среди индейцев Пуру и Кито и двадцать лет во французской колонии Кайенна, где существуют постоянные сношения с галиби и другими племенами Ориноко, отмечает, что сила телосложения американцев точно пропорциональна их привычкам к труду. Индейцы в странах с теплым климатом, например, на побережьях Южного моря, на реке Амазонки и реке Ориноко, не могут сравниться по силе с индейцами в холодных странах; и все же, говорит он, лодки ежедневно отправляются из Пара, португальского поселения на реке Амазонки, чтобы подняться по этой реке, преодолевая стремительность течения; и с той же командой они направляются в Сан-Пабло, который находится на расстоянии восьмисот лиг. Ни одна команда, состоящая из белых людей или даже негров, не была бы признана равной задаче, требующей такой постоянной усталости, какую испытали португальцы; и все же индейцы, привыкшие к этому труду с младенчества, выполняют его”. [2]

Эти факты доказывают, что какой бы ни была случайная леность индейских племен, они не страдают от каких-либо физических недостатков, присущих им как мужчинам и не свойственным уроженцам других стран. Благородный джентльмен Европы, вскормленный в лоне роскоши и утонченности, если бы его заставили работать, проявил бы такой же недостаток физической силы, как индеец Америки. Разница в этом отношении между аборигенами западного мира и жителями более цивилизованных регионов чисто случайна. Выросший в черте цивилизованного общества и окруженный бесчисленными предметами, приспособленными для пробуждения мысли, возбуждения любопытства и приложения своих умственных и физических сил, европеец испытывает разнообразные потребности и подвержен разнообразным влияниям, которые дикарю незнакомы. Опыт наделяет его дальновидностью и мудростью и побуждает действовать с целью получения отдаленной выгоды, а также настоящего удовлетворения. Многочисленные жертвы и превратности судьбы, которые случаются с людьми в цивилизованном обществе, учат его быть предусмотрительным в отношении будущего. Простые потребности природы, а также более многочисленный класс потребностей, следующих за развитием цивилизации, побуждают его к длительным действиям, благодаря которым развиваются его умственные способности, дисциплинируется его физическая сила и возрастает его способность к упорству. Но с американским индейцем дело обстоит во многих отношениях наоборот. Его еда и питье в большинстве случаев добываются без особых проблем, а его естественные потребности, которые невелики, легко удовлетворяются. Мясо диких животных, которых он заманивает в ловушку или убивает на охоте, корни местных растений и овощей и небольшое количество маиса или индийской кукурузы, а также фрукты и другие продукты, добытые с таким же небольшим искусством, служат ему пищей; шкуры животных - одеждой; а будка, сооруженная с небольшим умением и трудом, служит ему укрытием от суровой погоды. Окруженный изобилием охотничьих угодий, где в изобилии имеются (для него) основные товары жизнедеятельности, он удовлетворен и живет в состоянии сравнительной независимости. Веря, что его собственная участь - самая счастливая, и привыкший с младенчества бродить по лесу, он не ощущает силы тех могущественных побуждений, которые затрагивают сердца других людей. Любовь к наживе в его случае

видоизменяется в зависимости от объема его информации о ней; и поскольку товары, которые для него являются предметами богатства, легко добываются, он, следовательно, становится ленивым, когда окружен изобилием.

Мы не пытаемся намекнуть, что североамериканский индеец в настоящее время равен европейцу по манере держаться, мудрости или даже физическим способностям. Мы лишь утверждаем, что недостаток физической энергии, который, по словам некоторых авторов, проявляют аборигены Америки, проистекает не из какого-либо конституционного дефекта, свойственного им как расе, а из случайных причин, над которыми они почти не властны. Если бы эти причины были устранены, пусть бы с индейцами обращались по—другому, пусть бы они подверглись тем влияниям, которые оказывают влияние на обитателей цивилизованных сообществ, и у нас были бы основания полагать, что они проявили бы характер, столь же энергичный, как у европейцев.

Следующее общее описание физиологической стороны индийского характера мы цитируем из современного писателя: “уроженцы этой части света, как правило, крепкого телосложения и с хорошо сложенной фигурой. Цвет их лица бронзовый или красновато—медный, как бы ржавого цвета, и мало чем отличается от цвета корицы. Их волосы черные, длинные, жесткие и блестящие, но не густо посажены на голове. Их борода тонкая и растет пучками. Лоб у них низкий, а глаза удлинённые, с внешними углами, обращенными к вискам; брови высокие, скулы выступающие; нос немного приплюснутый, но хорошо очерченный; губы вытянутые, а зубы близко посаженные и заостренные. Во рту у них есть выражение сладости, которое создает контраст с суровым характером их лица. Голова у них квадратной формы, а лицо широкое, но не плоское, и сужается к подбородку. Черты лица, рассматриваемые в профиль, рельефные. У них высокая грудь, массивные бедра и изогнутые ноги: их ступни, как правило, большие, хотя у некоторых были замечены маленькие ступни и кисти; и все их тело приземистое и коренастое. Хотя форма лба и макушки часто зависит от искусственных средств, все же, независимо от преобладающего среди них обычая уродовать головы младенцев, в мире нет другого народа, у которого лобная кость была бы настолько уплощена сверху; и, вообще говоря, череп легкий. Говорят, что таковы общие черты всех туземцев Америки, за исключением, может быть, тех, кто населяет обе оконечности. Северные эскимосы, например, ниже среднего роста; говорят, что абигоны, а еще больше патагонцы, превышают обычный рост. Это мускулистое телосложение с высокой фигурой в некоторой степени встречается среди уроженцев Чили, а также Карибского бассейна, на берегах Карони, притока Ориноко, и среди жителей Арканзаса, которые считаются самыми красивыми уроженцами этого континента.

“Медный или бронзовый оттенок кожи, за некоторыми незначительными исключениями, характерен для всех коренных жителей Америки, на которых климат, обстановка или образ жизни, по-видимому, не оказывают ни малейшего влияния. Некоторые племена Гвианы описываются как почти черные, хотя их легко отличить от негритянских. Цвет кожи уроженцев Бразилии и Калифорнии насыщенный, хотя последние обитают в умеренном поясе, а первые - вблизи тропиков. Уроженцы Новой Испании темнее, чем индейцы Кито и Новой Гранады, которые обитают в точно таком же климате. Народы, рассеянные к северу от Рио-Гола, темнее, чем те, что граничат с королевством Гватемала. У индейцев, которые в зоне знойного климата населяют наиболее возвышенные плоскогорья Кордильер Анд, цвет лица такой же медный, как у тех, кто выращивает бананы под палящим солнцем в самых узких и глубоких долинах равноденственных регионов. Индейцы, населяющие горы, одеты и были таковыми задолго до

завоевания; в то время как аборигены, кочующие по равнинам Южной Америки, совершенно или почти обнажены и, следовательно, всегда находятся под воздействием солнца. Эти факты показывают, что цвет кожи американца очень мало зависит от местной ситуации, которую он фактически занимает; и никогда у одного и того же человека те части тела, которые постоянно прикрыты, не бывают более светлого цвета, чем те, которые соприкасаются с воздухом; более того, младенцы никогда не бывают белыми, когда они рождаются.

Раньше предполагалось, что американцы были без бород, и, конечно, среди них много таких, у кого нет ни бороды, ни волос ни на какой части лица, кроме головы. Но у индейцев, населяющих жаркую зону и Южную Америку, обычно небольшая борода, которая становится длиннее при бритье; и среди патагонцев есть много бородатых. Покойный путешественник (Темпл) утверждает, что индейцы чиригуано из провинции Тариха безбороды, не высказывая никакого мнения относительно того, является ли это естественным или результатом выщипывания волос. Почти все индейцы вблизи Мексики и некоторые на северо-западном побережье носят усы. Был сделан вывод, что у индейцев больше бороды пропорционально удаленности от экватора. Отсутствие бороды присуще не только американцам, и это никоим образом не является определенным признаком вырождения; некоторые безбородые расы, такие как негры Конго, очень крепкие и колоссальных размеров”. [3]

Другое описание характера индейцев мы заимствуем из "Истории аборигенов Северной Америки" Адера. Мы цитируем его с большим удовольствием, как полностью подтверждающее наш собственный аргумент относительно физических возможностей североамериканских индейцев и как свидетельство человека, который долго жил среди них.

“Поскольку американские индейцы, - замечает он, - имеют красноватый или медный цвет, то в целом они сильны, тело и конечности у них хорошо сложены, они удивительно активны и проворны и по-своему выносливы в образе жизни.

“Они изобретательны, остроумны, коварны и лживы; действительно, очень верны своим собственным племенам, но в частном порядке бесчестны и вредны по отношению к европейцам и христианам. Они честны и безвредны друг по отношению к другу, возможно, из-за страха обиды и репрессий, которые неизбежны в случае какой-либо травмы. Они очень внимательны к своим секретам; никогда не забывают обид; и мстят за кровь до такой степени, что это сводит с ума. Они робки и, следовательно, осторожны; очень ревниво относятся к посягательствам со стороны своих соседей-христиан; и точно так же довольствуются свободой при любом повороте судьбы. Они обладают сильным всеобъемлющим суждением, могут составлять удивительно хитроумные планы и проводить их с одинаковой осторожностью, молчанием и рассудительностью; они не допускают в свои советы никого, кроме выдающихся воинов и любимых стариков. Они медлительны, но очень настойчивы в своих начинаниях; обычно умеренны в еде, но чрезмерно неумеренны в питье. Выпив, они часто превращают себя в подобие бешеных медведей с пеной у рта. Женщины, как правило, отличаются мягким, любезным и покладистым нравом; чрезвычайно скромны в своем поведении и очень редко шумят в одиночестве или замужестве.

“Эти люди искусны в обращении с огнестрельным оружием — в стрельбе из лука и метании дротика с оперением в летящего врага. Они напоминают рысь своим острым пронизательным черным глазом и чрезвычайно быстры в поступи, особенно во время длительной погони. Они растянутся по непроходимым лесам на двести или триста миль, преследуя бегущего врага с

неизменной скоростью и рвением верной своры ищеек, пока не прольют кровь. Утолив эту жгучую жажду, они возвращаются домой на досуге, если только их не преследуют, как это иногда бывает; поэтому торговцы говорят, 'что индеец никогда не спешит, но когда дьявол преследует его по пятам'.

“Примечательно, что индейцев-уродов нет; однако между тропиками они, как правило, слабее и меньше телом, чем в более высоких широтах; но не в равной пропорции: ибо, хотя страны чиккаса и Чокта не так давно отделены друг от друга, как это видно из сходства их языка, а также по другим признакам; все же чиккаса чрезвычайно выше и крепче телом, чем последние, хотя их страна находится всего на два градуса севернее. Такая небольшая разница в широте в столь здоровом регионе не могла привести к столь значительной разнице в строении их тел. Первые - миловидные, приятные на вид люди; их лица довольно круглые, в отличие от облика остальных, который сильно склонен к плоскостопию, как это бывает у большинства других американских индейцев. Губы у индейцев, вообще, тонкие.

“Глаза у них маленькие, острые и черные, а волосы прямые, жесткие и темноватые. Я никогда не видел ни одного с завитыми волосами, кроме одного, в стране Чокта, где был еще один с рыжими волосами; вероятно, это была смесь французов и индейцев. Представители обоих полов выщипывают все волосы со своего тела чем-то вроде пинцета, сделанного раньше из ракушек, а теперь из проволоки среднего размера в форме червяка; который, будучи скручен вокруг маленькой палочки и закрепленный на ней концами, после надлежащей закалки сохраняет свою форму: держа эту индийскую бритву между указательным и большим пальцами, они опустошают себя на манер еврейских священников-послушников и прозелитов.

“Их основная одежда очень проста, как в патриархальную эпоху; по своему выбору многие из их старост носят длинные широкие одежды, сшитые из шкур диких зверей. Они кажутся довольно легкими и безразличными в любой жизненной ситуации, как будто они полностью лишены страстей и чувства сопереживания. Воинская доблесть, а не богатство, является их неизменным стандартом для продвижения; ибо они ни на йоту не уважают и не презирают никого из своего народа из-за богатства или одежды. Они сравнивают и то, и другое с краской на лице воина, потому что она пробуждает в других дух воинственной доброжелательности к своей стране и на некоторое время радует его собственное воображение и глаза зрителей, но смывается потом, пока он исполняет свои военные танцы, или портится из-за перемены погоды.

“Раньше они носили рубашки из выделанных оленьих шкур в качестве летней одежды для посещения; но их зимняя охотничья одежда была длинной и мохнатой, сшитой из шкур пантер, самцов, медведей, бобров и выдр; мясистая сторона наружу иногда удваивалась и всегда смягчалась, как бархатная ткань, хотя они сохраняли свой мех и шерсть. Иголками и нитками, которыми они пользовались раньше (да и сейчас время от времени), были рыбы кости или заостренные рога и кости оленя, а также оленьи сухожилия и разновидность конопли, которая растет среди них спонтанно на богатых открытых землях. Женская одежда состоит только из широкой размягченной шкуры или нескольких маленьких шкурок, сшитых вместе, которые они заворачивают и обвязывают вокруг талии, доходя немного ниже колен: в холодную погоду они заворачиваются в размягченные шкуры телят буйволиц, подкладывая внутрь зимнюю лохматую шерсть, никогда не забывая помазать и подвязать волосы, за исключением времени траура. Мужчины носят для украшения и удобства охоты сапоги из тонкой оленьей кожи, хорошо прокопченные, которые доходят им до бедер, а также куртки, защищающие их от колючек

ежевики и колючих зарослей. Они пришивают их примерно в пяти дюймах от краев, из которых получаются кисточки, к которым прикрепляют олени лапки и маленькие кусочки позвякивающего металла или шпоры дикого индюка. Храбрецы обычно прикрепляли нечто подобное к своим боевым трубкам, добавляя к ним кусочек скальпа врага с пучком длинных волос, свисающих с середины стержня, каждый из которых был выкрашен в красный цвет: и они до сих пор соблюдают этот старый обычай, только они выбирают кнопки-колокольчики для придания большего звука.

“Молодые индийские мужчины и женщины, любя свою древнюю одежду, заворачиваются в кусок ткани, который имеет близкое сходство с римской тогой, или претекстом. Речь идет о сажень квадратный, окаймленный семь или восемь кварталов глубоко, чтобы сделать блестящий кавалер *бо монд*, и как тепло и холод. В это безумное одеяние красные герои заворачивают себя, когда они ходят вразвалку, гиккая и пританцовывая вокруг знаменитого священного огня. В состоянии сильного потоотделения они, таким образом, будут часто испытывать неудобства в течение целой ночи, движимые тем же принципом гордости, который побуждает испанца носить свой зимний плащ летом

“Они делают свою обувь для общего пользования из шкур медведя и лося, хорошо выделанных и прокопченных, чтобы не затвердели; а обувь для украшения - из оленьих шкур, выделанных аналогичным образом; но они в основном ходят босиком и всегда с непокрытой головой. Мужчины прикрепляют несколько различных видов красивых перьев, часто в виде пучков, или крыла красной птицы, или шкуры небольшого ястреба, к пряди волос на макушке. И все разные народы, находясь в состоянии войны, стригут свои волосы по-разному, из презрения друг к другу; таким образом, они могут различить врага в лесу так далеко, как только могут его разглядеть.

“Индейцы приплюскивают свои головы самых разных форм; но главным образом они опускают макушку, чтобы украсить себя, как выражается их дикая фантазия; ибо они презрительно называют нас длинноголовыми. Индейцы чокта сплющивают свои лбы от макушки до бровей маленьким мешочком с песком, что придает им отвратительный вид; поскольку лоб естественно вздымается вверх в соответствии с тем, как он сплюснен: таким образом, возвышение носа вместо того, чтобы находиться на равном расстоянии от начала подбородка до начала волос, по их дикому механизму расположено намного ближе к одному и дальше от другого. Индейские племена вокруг Южной Каролины и вплоть до Нью-Мексико, чтобы осуществить это, укладывают нежного младенца в нечто вроде колыбели, где его ноги наклонены на фут выше горизонтального положения, его голова запрокидывается в отверстие, сделанное специально для того, чтобы вместить его; где он переносит основную часть своего веса на макушку, на маленький мешочек с песком, не имея ни малейшей возможности пошевелиться самостоятельно. Череп, напоминающий тонкое хрящевое вещество, в своем младенческом состоянии способен воспринимать любое впечатление. За счет этого давления и, таким образом, уплощения макушки они, следовательно, делают свои головы толстыми, а лица - широкими. Не можем ли мы этому обычаю и как необходимому последствию этой причины приписать их непостоянный, дикий и жестокий нрав? Особенно, когда мы связываем с этим как ложное образование, так и большое упражнение для возбуждения их животного духа. Когда мозг у более хладнокровных людей нарушен, он не рассуждает и не принимает решения с должным суждением. Таким образом, индейцы смотрят на все вокруг через свой собственный

ложный медиумизм и поносят наши головы за то, что они неправильно повернули свои собственные”.

Приведенное выше описание индийского характера больше заслуживает внимания из-за своей простоты, корректности и информации, которую оно предоставляет, чем из-за красоты его стиля. Адэр действительно суровый писатель; тем не менее, он повествует о фактах и происшествиях, которые не подлежали его собственному наблюдению, и поэтому его свидетельство имеет значительную ценность. Его история американских индейцев, какую бы ценность мы ни придавали его теории относительно их происхождения, дает много поразительных подтверждений позиции, которую мы приняли, а именно, что американские индейцы от природы не уступают по физическим способностям какой-либо другой расе людей. Адэр не единственный автор, который либо придерживается этого мнения, либо приводит факты, из которых оно может быть выведено. Эти факты можно найти в рассказах миссионеров, торговцев и почти всех писателей, посетивших индейские племена.

Джеймс Бьюкенен, бывший консул его Британского Величества в штате Нью-Йорк, в первом томе своих Очерков их истории и обычаев приводит несколько превосходных наблюдений о проявлениях общих способностей среди индейцев. Описав гостеприимный и вежливый прием, который он встретил со стороны детей знаменитого вождя индейцев племени могавков, капитана Брандта, он замечает: “Мое знакомство с этой молодой леди и ее братом полностью утвердило в моем сознании все, что я стремился доказать образованием молодого индейца: и можно привести множество подобных примеров, которые показали бы, что мудрость, наука и возвышенность характера не являются исключительным достоянием какого-либо цвета кожи, племени или нации. Храбрость, политическая проницательность и знание государственного устройства, проявленные неграми, которые сейчас правят в Сан-Доминго (не говоря уже о других хорошо известных примерах), рассчитаны на то, чтобы развеять сомнения, которые раньше преобладали относительно способностей африканца. Но между индейцами Северной Америки и африканцами есть заметная разница. Первых никогда нельзя склонить к тому, чтобы они стали рабами человека, платили дань или подчинялись, ни в коей мере не надеясь на вознаграждение за жизнь в вассалитете. Свободный, как сын Измаила, он скорее умрет, чем уступит свою свободу; и поэтому за ним охотятся люди, которые *хващаются цивилизацией и христианством и которые, хотя и ценят свою собственную свободу, без колебаний расширяют свои земли и собственность путем безжалостного уничтожения ни в чем не повинного владельца*. Но пусть ни те, кто все еще носит британское имя, ни граждане Соединенных Штатов не обманывают себя, полагая, что из-за того, что бедные индейцы, чьими землями они владеют и по чьим рекам они плавают, не имеют могущественного голоса, чтобы прославлять свои обиды и вызывать к ним отвращение всего человечества, они всегда останутся неотмщенными; или что цивилизация, которая напыщенно продолжается, но которая на самом деле является медленной системой вымирания, предотвратит карающее правосудие, которое Бог, несомненно, совершит. Бедные индейцы признаются, что за свои преступления Великий Дух теперь положил их под ноги белым людям, и посреди своих страданий они трогательно предупреждают своих жестоких угнетателей, что, возможно, придет время, когда Господь сжалится над ними и, в свою очередь, накажет европейцев. Воистину, пути Всемогущего прекрасны! Очевидное процветание нечестивых - одна из самых необъяснимых черт воли нашего создателя, и она была бы совершенно неразрешимой, если бы мы не обращались к Библии, которая ведет нас к правильному пониманию его замыслов. Как бы ни насмехался деист или ни сомневался философ, все же из этого мы видим, что, хотя гнев Божий

может надолго отложиться, наказание за беззаконие, несомненно, свершится. Реакцию преступления и наказания можно увидеть в истории всех народов. Пусть европейские угнетатели индейского дикаря, как его называют, вовремя обратят на это внимание; и пока распространение истинных принципов христианства по всей Британской империи сопровождается милосердием к африканцам, следует надеяться, что тот же благожелательный дух распространится и на благородно мыслящих аборигенов Северной Америки; и что вместо поставок оружия, боеприпасов, одеял и рома мы сможем привести их к искусствам и благословениям мира, а также к развитию их замечательных природных талантов”. [4]

Мистер Бьюкенен проявляет в этом отрывке больше благочестия святого, чем мудрости философа. По нашему мнению, *Господь* имеет весьма мало общего с угнетением и постепенным истреблением индейских племен. Таковы естественные результаты той своеобразной системы политики, проводимой белыми людьми по отношению к аборигенам Америки. По мере того как волна белого населения накатывает и распространяется внутрь страны, местные племена должны исчезнуть перед ней, уйдя в недоступные леса и пустынные территории трансатлантического мира. Они также не могут надеяться успешно отстаивать свои права до тех пор, пока не станут более цивилизованными и более искусными в воинственности, чем их угнетатели. Тогда действительно Господь с помощью могучего оружия тысяч индийских воинов мог бы совершить то суровое правосудие над европейцами, о котором говорит м-р Бьюкенен. Обилие военного снаряжения, распространение разведданных и объединение всех индейских племен более эффективно обуздали бы алчность белых христиан, чем вся помощь, которую оказывает Господь.

Также не следует ожидать, что религия в том виде, в каком она представлена в Ветхом и Новом Заветах, улучшит их положение. Избранный народ Господа сделал рабами некоторые из покоренных им народов; а тех, кого они не поработили, они уничтожили с жестокостью столь же безжалостной, сколь и чудовищной. Что может быть более естественным, чем для тех, кто верит в одного и того же Бога и черпает свою религию из одного и того же источника, действовать одним и тем же образом? Примеры убийств, грабежей, кровопролития, распутства и мерзостей всех видов, которые можно найти в Ветхом Завете, скорее ухудшили бы характер индейцев, чем улучшили его, если бы содержание этой книги было доведено до их сведения. Какими бы плохими ни были индейцы, среди них есть некоторое благородство ума. Они не предадут человека, с которым курили *калумет*, или трубку мира, или человека, которому они поклялись в дружбе. Но в Ветхом Завете мы находим, что это было сделано, как в случае с Иаилом и Сисарой, и действие приписывается божественному побуждению. Какой благой цели можно достичь, обучая североамериканских индейцев религии, за которой всегда следовали разрушения, мародерство, алчность и кровопролитие, преследования за убеждения и длинный перечень зол? и который, каким бы хорошим он ни был в некоторых своих предписаниях, тем не менее совершенно неспособен обуздать алчность и жестокость своих последователей.

Знаменитый французский эссеист Монтень двести или триста лет назад писал следующее:

“Я нахожу, что в этой стране нет ничего варварского, насколько я могу судить, за исключением того, что каждый присваивает звание варварства всему, что не используется в его собственной стране: поскольку на самом деле у нас нет другого уровня истины и разума, кроме примера и представления о мнениях и обычаях того места, где мы живем. Там всегда есть истинная

религия; *там* совершенное правительство и наиболее точное и совершенное использование вещей. Они (индейцы) дикари в той же степени, в какой мы называем дикими плоды, которые природа производит сама и благодаря своему собственному обычному прогрессу; тогда как, по правде говоря, *мы скорее должны называть дикими тех, природу которых мы изменили с помощью наших ухищрений* и отвлекли от обычного порядка вещей.... Таким образом, эти народы кажутся мне настолько варварскими, что лишь очень мало восприняли формы и моду от искусства и человеческого изобретения и, следовательно, не так уж далеки от своей первоначальной простоты. Законы природы, однако, управляют ими по-прежнему, еще не сильно искаженные каким-либо нашим смешением; но в такой чистоте, что я иногда беспокоюсь, что мы не успели познакомиться с этими людьми раньше и что они не были открыты в те лучшие времена, когда были люди, гораздо более способные судить о них, чем мы. Я сожалею, что Ликург и Платон не знали о них; ибо, по моему разумению, то, что мы теперь видим у этих туземцев, превосходит не только все образы, которыми поэты украсили золотой век, и все их выдумки, изображающие счастливое состояние человека; но, более того, фантазию и даже желание самой философии. Такая естественная и чистая простота, какую мы по опыту видим в них, никогда не могла прийти в голову древним философам, и они никогда не могли поверить, что человеческое общество могло существовать с таким небольшим количеством ухищрений. Должен ли я говорить Платону, что это нация, в которой нет способа торговли, нет знания букв, нет науки о числах, нет имени судьи или политического превосходства, нет использования службы, нет богатства или бедности, нет контрактов, нет наследования, нет дивидендов, нет приличий, нет занятий, кроме досуга, нет уважения к родственникам, кроме общего, нет одежды, нет земледелия, нет металла, нет употребления зерна или вина, и где нет даже самих слов, обозначающих ложь, предательство, лицемерие, алчность, разрушение и прощение о нем никогда не слышали, — насколько сильно он счел бы свою воображаемую Республику недостающей этого совершенства”. [5]

Это описание слишком красочно и во многих отношениях неверно. Дикари Америки не находятся в таком блаженном состоянии, какое Монтень оставил бы читателю в качестве вывода; нельзя также с уверенностью сказать, что они свободны от обмана, вероломства и алчности. Это правда, что они проявляют много благородных черт характера, которые могли бы с пользой перенять их более цивилизованные собратья; но эти черты обычно ассоциируются с пороками, свойственными дикому состоянию. Поэтому, проводя наши исследования в отношении них, мы должны тщательно выяснить, насколько достоверны утверждения тех авторов, которые утверждают, что их состояние является почти райским. В большинстве случаев следует избегать крайностей, особенно в отношении американских индейцев. Некоторые авторы изображали их как самых подлых из людей; жестоких, кровожадных и хищных, неспособных быть цивилизованными; в то время как другие изображали их как благородную, возвышенную, добродетельную расу, едва ли имеющую хоть один порок в своем характере или зло в своем физическом состоянии. Если мы примем среднее из этих крайностей, то будем недалеко от истины.

Прежде чем мы завершим этот раздел нашего трактата, несколько замечаний об ораторском искусстве индейцев не могут быть сочтены неуместными или неважными. Даже громы Демосфена и красноречивые разглагольствования сладкоголосого и красноречивого Цицерона не производили на афинскую или римскую аудиторию более удивительного эффекта, чем

иногда производят на умы слушателей смелые и патетические речи американского воина. Губернатор Де Витт Клинтон в своем выступлении перед Нью-Йоркским обществом, говоря об ирокезах, или Пяти нациях, сообщает нам, что “их внешними отношениями, общими интересами и национальными делами руководил большой совет, ежегодно собирающийся в Онондаге, центральном кантоне, состоящий из вождей каждой Республики; и восемьдесят сахемов часто созывались на это национальное собрание. Оно принимало во внимание важнейшие вопросы войны и мира, дела народов-данников и их переговоры с французскими и английскими колониями. Все их действия проводились с большой обдуманностью и отличались порядком, благопристойностью и торжественностью. В красноречии, достоинстве и по всем признакам глубокой политики они превзошли собрание феодальных баронов и, возможно, не намного уступали великому Амфикиониовскому совету Греции”. [6] В другом месте он говорит о возвышенном проявлении интеллектуальной мощи в обращении Гарангулы, вождя племени онондага, к М. Делабарру, французскому генералу, который в 1683 году выступил с армией против ирокезов. Однако тот же авторитет заявляет, что этот риторический талант присущ только Пяти нациям. “Самое замечательное различие, ” утверждает он, “ существовало между конфедератами и другими индейскими народами в том, что касалось красноречия. Вы можете тщетно искать в записях и писаниях прошлого, *или в событиях настоящего времени, единственный образец красноречия среди алгонкинов, абенаки, делаваров, шаванцев или любого другого индейского народа, кроме ирокезов*”. [7] С другой стороны, преподобный мистер Хеквелдер, который провел большую часть долгой жизни среди ленни ленапе, или делаваров, подтвердил в своем историческом отчете об индейских народах (из которых ленни ленапе и ирокезы образуют два больших подразделения), что делавары также примечательны своими ораторскими способностями. Он цитирует речь капитана Пайпа, вождя этой нации, и, комментируя ее, использовал следующие слова. “Здесь мы видим смелость, откровенность, достоинство и человечность, счастливо сочетающиеся воедино и наиболее красноречиво демонстрируемые. Я сильно ошибаюсь, если составные части этой речи составлены не совсем в соответствии с правилами ораторского искусства, которым обучают в школах и которые, конечно, были неизвестны этому дикарю. Проповедь короткая, но по-настоящему трогательная и, я бы сказал, возвышенная; и потом, восхитительный способ, которым она подготовлена! Я хотел бы донести до сознания читателя лишь малую часть того впечатления, которое произвела эта речь на меня и на всех присутствующих, когда она была произнесена”. [8] Утверждение губернатора Клинтона, по-видимому, вытекает из того, что он знает о Пяти нациях больше, чем о любом другом племени индейцев. Шаванцы в не меньшей степени, чем делавары, входят в список исключений; и все же в книге, опубликованной мистером Хантером, мы находим самый великолепный пример красноречия в речи Те-кум-се, воина племени шавани. [9] Эффект, который это произвело на его слушателей, одним из которых был сам мистер Хантер, был электрическим; и мы процитируем его отчет об этом, чтобы показать, что высокое мнение об индийском ораторском искусстве не основано на каком-либо одном авторитете, который мог бы быть преувеличен, или через посредство профессиональных переводчиков, которые могли бы быть склонны переводить эти речи по заданному образцу на европейский язык. языки; но что оно действует на всех одинаково и проявляет один и тот же характер при любом разнообразии и случайности толкования. Речи индейцев произносились неграмотными людьми, посланными к ним, чтобы добиться их расположения; пленными мужчинами и женщинами, которые выучили язык во время своего плена; образованными миссионерами; торговцами, которых, возможно, не заподозрят в романтическом энтузиазме; голландцами, французами, англичанами и американцами; и результат во всех случаях был очень похож. Таким образом, сомнения,

которые высказывались и все еще продолжают высказываться относительно индийского красноречия, мягко говоря, неосмотрительны. Есть вероятность, что передача на европейские языки скорее повредит им, чем улучшит их состояние. “Я хотел бы, - говорит мистер Хантер, говоря о Те-кум-се, - отдать должное красноречию этого выдающегося человека, но это совершенно невозможно. Самые насыщенные цвета, растушеванные карандашом мастера, были бы бесконечно далеки от сияющей отделки оригинала. Случай и тема были специально подобраны для того, чтобы призвать к действию все силы подлинного патриотизма; и такой язык, такие жесты, такие чувства и полнота души, рвущиеся наружу, были продемонстрированы этим необразованным уроженцем лесов центральной части Америки, каких, я убежден, никогда прежде не видела ни одна публика ни в древние, ни в современные времена. Его речь произвела на меня впечатление, которое, я думаю, сохранится до тех пор, пока я жив”. [10]

Повод, по которому была произнесена эта речь, был следующим; из рассказа мистера Хантера явствует, что “некоторые белые люди среди осейджей были торговцами, а другие считались гонцами от своего великого Отца из-за вод, чтобы пригласить индейцев поднять томагавк против поселенцев. Они провели много долгих бесед и раздали много ценных подарков, но так и не смогли поколебать решимость Осейджей сохранить мир с их Великим Отцом, президентом. Однако их решимости предстояло подвергнуться более суровому испытанию: теперь среди них появился Те-кум-се.

Он обратился к ним с длинной, красноречивой и патетической речью; и собрание, более многочисленное, чем когда-либо прежде, слушало его с крайне взволнованным, хотя и глубоко почтительным интересом и вниманием. На самом деле, красноречие Те-кум-се произвело такой большой эффект, что вождь объявил перерыв в заседании совета вскоре после того, как он закончил свою речь, и они, наконец, не приходили к решению по важному вопросу, обсуждавшемуся в течение нескольких дней после этого. [11] Однако в конце концов его предложения были отклонены”.

РЕЧЬ ТЕ-КУМ-СЕ.

“Братья, — Мы все принадлежим к одной семье; мы все дети Великого Духа; мы идем одним путем; утоляем свою жажду у одного источника; и теперь дела величайшей важности заставляют нас выкурить трубку у одного и того же костра совета!

“Братья, мы друзья; мы должны помогать друг другу нести наше бремя. Кровь многих наших отцов и братьев пролилась, как вода, по земле, чтобы удовлетворить алчность белых людей. Нам самим угрожает великое зло; ничто не успокоит их, кроме уничтожения всех краснокожих.

“Братья, когда белые люди впервые ступили на наши земли, они были голодны; у них не было места, чтобы расстелить одеяла или разжечь костры. Они были слабы; они ничего не могли сделать для себя. Наши отцы сочувствовали их горю и охотно делились с ними всем, что Великий Дух дал своим краснокожим детям. Они давали им еду, когда они были голодны, лекарства, когда болели, расстилали шкуры, на которых они могли спать, и давали им землю, чтобы они могли охотиться и выращивать кукурузу. Братья, белые люди подобны ядовитым змеям; когда они замерзают, они слабы и безвредны; но подкрепите их теплом, и они ужалят своих благодетелей до смерти.

“Белые люди пришли к нам слабыми; а теперь, когда мы сделали их сильными, они хотят убить нас или прогнать обратно, как волков и пантер.

“Братья, белые люди индейцам не друзья; сначала они просили только земли, достаточной для вигвама, теперь их не удовлетворит ничего, кроме всех наших охотничьих угодий, от восхода до захода солнца.

“Братья, белым людям нужно нечто большее, чем наши охотничьи угодья; они хотят убивать наших воинов; они даже убьют наших стариков, женщин и малышей.

“Братья, — Много зим назад не было земли; солнце не восходило и не заходило: кругом была тьма. Великий Дух сотворил все сущее. Он дал белым людям дом за великими водами. Он снабдил эти земли дичью и отдал их своим краснокожим детям; он дал им силу и мужество защищать их.

“Братья, мой народ желает мира; все краснокожие желают мира; но там, где живут белые люди, для них нет мира, кроме как на груди нашей матери.

“Братья, белые люди презирают индейцев и обманывают их; они оскорбляют их; они не считают краснокожих достаточно хорошими, чтобы жить.

“Красные люди понесли много тяжких увечий; они не должны больше терпеть их. Мой народ этого не сделает; они полны решимости отомстить; они взяли в руки томагавк; они обагрят его кровью; они будут пить кровь белых людей.

“Братья, мой народ храбр и многочислен, но белые люди слишком сильны для них одних. Я хочу, чтобы ты взял томагавк вместе с ними. Если мы все объединимся, мы заставим реки запятнать великие воды их кровью.

“Братья, — Если вы не объединитесь с нами, они сначала уничтожат нас, и тогда вы станете их легкой добычей. Они уничтожили многие народы краснокожих, потому что те не были друзьями друг другу.

“Братья, белые люди посылают к нам гонцов; они хотят сделать нас врагами, чтобы пронестись по нашим охотничьим угодьям и опустошить их, подобно опустошительному ветру или стремительному потоку.

“Братья, — наш Великий Отец над великими водами разгневан на белых людей, наших врагов. Он пошлет против них своих храбрых воинов: он пошлет нам винтовки и все остальное, что мы захотим, — он наш друг, а мы его дети.

“Братья, кто такие белые люди, что мы должны их бояться? Они не умеют быстро бегать, и в них хорошо стрелять; они всего лишь мужчины; наши отцы убили многих из них; мы не скво, и мы обагрим землю их кровью.

“Братья, Великий Дух разгневан на наших врагов; он говорит громом, и земля поглощает деревни и выпивает Миссисипи. Великие воды покроют низменности; их кукуруза не сможет расти; и Великий Дух своим дыханием сметет с лица земли тех, кто спасается бегством в горы.

“Братья, Мы должны быть едины, мы должны курить одну трубку; мы должны сражаться в битвах друг друга; и больше всего мы должны любить Великого Духа; он за нас; он уничтожит наших врагов и сделает счастливыми всех своих краснокожих детей”.

В заметках Джефферсона о штате Вирджиния мы находим речь, которую, как сообщается, Логан, вождь племени минго, произнес перед лордом Данмором, когда тот был губернатором штата Вирджиния. Обстоятельства, при которых это было сделано, были следующими:—

“Весной 1774 года несколькими индейцами было совершено ограбление неких земельных искателей приключений на реке Огайо. Белые в этом квартале, *согласно своему обычаю*, обязались сурово наказать за это безобразие. Капитан Майкл Кресап и некий Дэниел Грейтхауз, возглавлявшие эти отряды, в разное время нападали на путешествующие и охотничьи отряды индейцев, сопровождавших их женщинами и детьми, и многих убили. К несчастью, среди них была семья Логана; вождь, прославленный в мирное и военное время и долгое время считавшийся другом белых. Это недостойное возвращение спровоцировало его месть. Соответственно, он проявил себя в последовавшей за этим войне. Осенью того же года в устье великого *Канхавея* произошла решающая битва между собранными силами шаванцев, минго и делаваров и отрядом виргинского ополчения. Индейцы потерпели поражение и запросили мира.

Логан, однако, побрезговал показываться среди просителей. Но чтобы не нарушить искренность договора, от участия в котором отказался столь выдающийся вождь, он отправил следующую речь лорду Данмору.

“Я обращаюсь к любому белому человеку с просьбой сказать, входил ли он когда-нибудь в хижину Логана голодным, и он не давал ему мяса; приходил ли он холодным и голым, и он не одевал его. Во время последней долгой и кровопролитной войны Логан бездельничал в своей каюте, будучи сторонником мира. Такова была моя любовь к белым, что мои соотечественники, проходя мимо, показывали на меня пальцем и говорили: ‘Логан - друг белых людей’. Я даже думала, что жила бы с тобой, если бы не травмы одного человека. Полковник Кресап прошлой весной хладнокровно и неспровоцированно убил всех родственников Логана, не пощадив даже моих женщин и детей. *В жилах ни одного живого существа не течет ни капли моей крови.*

“Это взывало ко мне о мести, я искал ее; я убил многих. Я насытил свою месть: за свою страну я радуюсь лучам мира.

“Но не питайте иллюзий, что моя *радость - страх*; Логан никогда не испытывал страха. Он не повернется на каблуках, чтобы спасти свою жизнь. Кто здесь будет оплакивать Логана? Ни один”.

Кто может винить Логана, воина-минго, за его поступки, если принять во внимание провокацию, которую он получил? “Ни одного!”

О политическом государстве и институтах американских индейцев.

Среди диких народов обычно наблюдается такая степень индивидуальной независимости, которая крайне неблагоприятна для установления и упрочения регулярного правительства. Люди, привыкшие к победам и применению оружия, привыкшие к опасности и усталости, вряд ли подчинятся тем ограничениям закона и юриспруденции, которые существуют в цивилизованных сообществах. Воля дикаря в большинстве случаев является единственным законом, который он признает или которому подчиняется. Только когда племени, к которому он

принадлежит, угрожает какой-нибудь чужеземный враг, он соглашается следовать за вождем на поле боя и подчиняться его приказам. Но даже в этом случае его действия не ограничены, а добровольны. Его природный пыл и воинственный нрав подталкивают его к битве больше, чем любой обязательный указ, изданный советом его нации. Но в мирное время он сам себе хозяин. Едва ли он соизволяет следовать какому-либо правилу, кроме обычая; следовательно, его действия проистекают спонтанно из импульсов его собственного ума.

При рассмотрении политических институтов любого народа наш первый вопрос должен касаться способа его существования. “В зависимости от того, насколько это различно, - выражаясь языком Робертсона, “ их законы и политика должны отличаться. Институты, соответствующие идеям и потребностям племен, которые существуют главным образом за счет рыбной ловли или охоты и которые пока что приобрели лишь несовершенное представление о каких-либо видах собственности, будут гораздо более простыми, чем те, которые должны иметь место, когда земля обрабатывается с регулярным усердием и право собственности не только на продукты, произведенные на ней, но и на саму почву, полностью установлено ”.

Американские народы живут главным образом охотой, рыбной ловлей и естественными продуктами своей плодородной почвы. Сельское хозяйство среди них развито крайне слабо. Таким образом, для поддержки племени необходим большой участок территории. “Охота, ” замечает Робертсон, - даже там, где добыча обильна, а ловкость охотника значительно улучшилась, обеспечивает лишь ненадежное содержание; а в некоторые сезоны ее приходится вообще прекращать. Если дикарь полагается в еде только на свой лук, он и его семья часто оказываются в крайне бедственном положении. Едва ли какой-либо регион земли спонтанно обеспечивает человека тем, чего требуют его потребности. В самых мягких климатических условиях и на самых плодородных почвах его собственная трудолюбие и дальновидность должны быть проявлены в некоторой степени, чтобы обеспечить регулярные поставки продовольствия. Их опыт в этом преодолевает отвращение к труду, естественное для диких народов, и вынуждает их прибегать к культуре как вспомогательному средству по отношению к охоте. В особых ситуациях некоторые небольшие племена могут существовать за счет рыболовства, независимо от какой-либо продукции земли, добытой их собственной промышленностью. Но во всей Америке мы едва ли встретим какую-либо нацию охотников, которая не занималась бы некоторыми видами земледелия”.

Таково состояние большинства американских племен в настоящее время. Однако их сельское хозяйство не является ни экстенсивным, ни трудоемким. Среди некоторых племен, таких как онейды и сенеки, сельское хозяйство преобладает больше, чем среди других. Это следует отнести за счет благотворительных усилий квакеров, которые будут описаны в последующей части этой работы. Индейцы во внутренних районах Америки, которые менее подвержены влиянию белых, живут главным образом охотой и рыболовством. Сельское хозяйство считается лишь вспомогательным по отношению к ним. Он используется в качестве средства против голода и для восполнения дефицита дичи. Это не является основным способом добывания средств к существованию и, как следствие, не достигло у индейцев такого уровня совершенства, как у цивилизованных народов. Можно сказать, что охота и рыболовство были основным занятием в жизни более примитивных племен Северной Америки. Следовательно, характер их политических институтов может быть выведен из их особого способа добывания средств к существованию.

Робертсон, рассматривая этот вопрос, выражался с такой ясностью, и рассуждал на основе фактов с такой точностью, что для нас было бы невозможно сделать ничего лучшего, чем процитировать его замечания.

Он отмечает: “Они были разделены на небольшие независимые сообщества. Хотя охота является основным источником существования, для прокорма небольшого числа людей необходима обширная территория. По мере того, как люди размножаются и объединяются, диких животных, от которых они зависят в качестве пищи, становится меньше или они улетают на большее расстояние от мест обитания своих врагов. Рост общества в этом состоянии ограничен его собственной природой, и члены его должны либо рассеяться, подобно дичи, которую они преследуют, либо прибегнуть к какому-нибудь лучшему способу добывания пищи, чем охота. Хищные звери по своей природе одиноки и необщительны; они не выходят на охоту стадами, а находят удовольствие в тех уголках леса, где они могут спокойно разгуливать и уничтожать. Нация охотников похожа на них как по роду занятий, так и по гениальности. Они не могут объединяться в большие сообщества, потому что было бы невозможно найти средства к существованию; и они должны прогонять на расстояние каждого соперника, который может посягнуть на те владения, которые они считают своими. Таково было состояние всех американских племен: численность каждого из них была незначительной, хотя они были разбросаны по обширным странам; они были далеко удалены друг от друга и вели постоянную вражду или соперничество. В Америке слово “нация” не имеет такого значения, как в других частях земного шара. Оно применяется к небольшим обществам, не превышающим, возможно, двух-трехсот человек, но занимающим провинции больше, чем некоторые королевства в Европе. Страна Гвиана, хотя и была обширнее Французского королевства и разделена между большим числом наций, насчитывала не более двадцати пяти тысяч жителей. [12] В провинциях, граничащих с Ориноко, можно проехать несколько сотен миль в разных направлениях, не встретив ни одной хижины или не заметив шагов человека. [13] В Северной Америке, где климат более суровый, а почва менее плодородная, запустение еще больше. Там были совершены путешествия протяженностью в несколько сотен лиг по необитаемым равнинам и лесам. [14] До тех пор, пока охота остается основным занятием человека, которому он доверяет средства к существованию, вряд ли можно сказать, что он жил на земле.

“Нации, зависящие от охоты, в значительной степени чужды идее собственности. Поскольку животные, которыми питается охотник, не выведены под его наблюдением и не вскармливаются его заботой, он не может претендовать на них, пока они дичают в лесу. Там, где дичи так много, что ее можно поймать” — [поймано] “без особых проблем, люди никогда не мечтают присвоить то, что имеет малую ценность, или о легком приобретении. Там, где это случается так редко, что труд или опасность охоты требуют объединенных усилий племени или деревни, убитое является общим добычей, принадлежащей в равной степени всем, кто своим умением или храбростью способствовал успеху похода. Лес или охотничьи угодья считаются собственностью племени, на которые оно имеет право, исключаящую любую соперничающую нацию. Но ни один индивид не присваивает себе права на какой-либо из этих районов в ущерб своим согражданам. Они одинаково принадлежат всем; и туда, как в общий и нераздельный запас, все устремляются в поисках пропитания. Тот же принцип, которым они регулируют свое главное занятие, распространяется и на то, что является второстепенным. Даже земледелие не внесло у них полного представления о собственности. Пока мужчины охотятся, женщины трудятся вместе; и после того, как они разделили труды посевного периода, они вместе наслаждаются урожаем. [15] У некоторых племен увеличение их обрабатываемых земель откладывается в

общественном зернохранилище и делится между ними в установленное время в соответствии с их потребностями. [16] Среди прочих, хотя они и создают отдельные хранилища, они не приобретают такого исключительного права собственности, чтобы они могли наслаждаться избытком, в то время как окружающие их страдают от нужды. [17] Таким образом, различия, возникающие из-за неравенства владения, неизвестны. Термин "богатый" или "бедный" не входит в их язык; и, будучи незнакомыми с собственностью, они не знакомы с тем, что является главной целью законов и политики, а также с главным мотивом, побудившим человечество создать различные механизмы регулярного правления. [18]

“Люди в этом государстве сохраняют высокое чувство равенства и независимости. Там, где не установлена идея собственности, между людьми не может быть различий, кроме тех, которые возникают из личных качеств. Они могут бросаться в глаза только в тех случаях, когда заставляют их напрягаться. Во времена опасности или в сложных делах советуются с мудростью и опытом возраста и предписывают меры, которых следует придерживаться. Когда племя дикарей выступает в поход против врагов своей страны, воин, обладающий наибольшей храбростью, ведет молодежь на битву. [19] Если они всем скопом отправляются на охоту, самый опытный и предприимчивый охотник оказывается впереди и направляет их движения. Но в периоды спокойствия и бездействия, когда нет возможности проявить эти таланты, всякое превосходство исчезает. Каждое обстоятельство указывает на то, что все члены сообщества находятся на одном уровне. Они питаются одной и той же простой пищей. Их дома и мебель совершенно одинаковы. Никакое различие не может возникнуть из-за неравенства имущества. Неизвестно, что формирует зависимость с одной стороны или представляет собой превосходство с другой. Все люди свободны; все ощущают себя таковыми и твердо отстаивают права, вытекающие из этого состояния. [20] Это чувство независимости настолько глубоко запечатлено в их натуре, что никакое изменение условий не может искоренить его и подчинить их умы рабству. Привыкшие быть абсолютными хозяевами своего собственного поведения, они с презрением выполняют приказы других; и, никогда не знавшие контроля, они не подчинятся исправлению. Многие американцы, узнав, что испанцы обращаются с ними как с рабами, умерли от горя; многие покончили с собой в отчаянии. [21]

“Среди людей в этом штате правительство может пользоваться небольшим авторитетом, и чувство гражданского подчинения должно оставаться очень несовершенным. Пока идея собственности неизвестна или не до конца понята; пока спонтанные продукты земли, так же как и плоды труда, рассматриваются как принадлежащие общественному фонду, вряд ли может быть какой-либо такой предмет разногласий или обсуждения среди членов одного и того же сообщества, который потребовал бы вмешательства власти для его корректировки. Там, где не введено право отдельного и исключительного владения, не существует большого объекта права и юрисдикции. Когда членов племени призывают в поле либо для вторжения на территорию их врагов, либо для отражения их нападений; когда они вместе заняты тяжелым трудом и опасностями охоты, они тогда осознают, что являются политическим объединением. Они осознают свою собственную связь с товарищами, совместно с которыми они действуют; и они следуют за теми, кто отличается поведением и доблестью, и почитают их. Но в промежутках между такими общими усилиями они, похоже, едва ощущают узы политического союза. [22] Видимая форма правления не установлена. Имена *магистрата* и *субъекта* не используются. Кажется, что каждый почти полностью наслаждается своей естественной независимостью. Если предлагается схема общественной полезности, членам сообщества предоставляется свобода выбора, будут ли они помогать или не будут помогать в приведении ее в исполнение.

Никакой закон не налагает на них никакой службы как обязанности, никакие обязательные законы не обязывают их ее выполнять. Все их решения добровольны и проистекают из импульса их собственного разума. [23] В этих грубых обществах не был сделан первый шаг к установлению государственной юрисдикции. Право на месть оставлено в частных руках. [24] В случае совершения насилия или пролития крови сообщество не берет на себя право назначать наказание или смягчать его. Оно принадлежит семье или друзьям пострадавшего или убитого лица, чтобы отомстить за причиненное зло или принять возмещение, предложенное агрессором. Если старейшины и вмешиваются, то только для того, чтобы посоветовать, а не решить, и к их советам редко прислушиваются; поскольку считается малодушием позволить преступнику безнаказанно скрыться, обида неумолима и вечна. [25] Объект государственного управления скорее иностранный, чем внутренний. Они не стремятся поддерживать внутренний порядок и полицию с помощью общественного регулирования или усилий какой-либо постоянной власти; но стремятся сохранить такой союз среди членов своего племени, чтобы они могли следить за действиями врагов и действовать против них согласованно и энергично.

“Такова была форма политического порядка, установленная среди большей части американских племен. В этом штате проживали почти все племена, разбросанные по провинциям, простиравшимся к востоку от Миссисипи, от устья реки Святого Лаврентия до границ Флориды. В подобном состоянии находились жители Бразилии, Чили, несколько племен в Парагвае и Гвиане, а также в странах, простирающихся от устья Ориноко до полуострова Юкатан. Среди такого бесконечного числа мелких объединений могут быть особенности, которые составляют различие и отмечают различные степени их цивилизации и совершенствования. Но попытка проследить и пронумеровать их была бы тщетной, поскольку они не были замечены людьми, способными различать мельчайшие и деликатные обстоятельства, которые служат для различения наций, похожих друг на друга по их общему характеру и чертам. Приведенное мною описание политических институтов, имевших место среди тех грубых племен Америки, о которых мы получили наиболее полную информацию, применимо, с небольшими вариациями, к каждому народу, как в его Северной, так и в южной части, которые продвинулись в цивилизации не дальше, чем к небольшой степени земледелия, добавленной к рыболовству и охоте. [26]

Но эти политические институты, какими бы ущербными они ни были, существовали не у всех американских племен. Система правления, принятая некоторыми из них, более приближалась к системе, которая преобладает в цивилизованных сообществах. Так, “среди натчезов, могущественного племени (ныне вымершего), некогда проживавшего на берегах Миссисипи, имела место разница в ранге, с которой северные племена были совершенно незнакомы. Некоторые семьи считались благородными и пользовались наследственным достоинством. Тело людей считалось мерзким и создавалось только для подчинения. Это различие было отмечено названиями, которые указывали на высокое возвышение одного штата и постыдную депрессию другого. Первых называли *респектабельными*, вторых - *вонючками*. Великий вождь, которому была вручена верховная власть, считался существом высшей природы — братом солнца, единственным объектом их поклонения. Они относились к этому великому вождю с религиозным почтением и почитали его как представителя своего божества. Его воля была законом, которому все подчинялись с беспрекословным повиновением. Жизни его подданных были настолько полностью в его распоряжении, что, если кто-либо навлек на себя его неудовольствие, преступник приходил с глубоким смирением и предлагал ему свою голову. Владычество Вождей не закончилось вместе с их жизнью: их главные офицеры, их любимые

жены вместе со многими слугами низшего ранга были принесены в жертву у их могил, чтобы на том свете их сопровождали те же люди, которые служили им в этом; и таково было почтение, с которым к ним относились, что эти жертвы приветствовали смерть с ликованием, считая это наградой за их верность и знаком отличия быть избранными сопровождать своего умершего хозяина. Таким образом, среди натчезов установился совершенный деспотизм с его полным набором суеверий, высокомерия и жестокости; и по странному стечению обстоятельств эти люди испытали на себе худшие бедствия, выпавшие на долю благородных народов, хотя сами они не намного превосходили окружающие их племена в цивилизованности и благоустройстве ”.

[27]

В политических институтах натчезов, какими бы деспотическими и несовершенными их ни считали, мы обнаруживаем узы союза, которых не существовало среди других племен, которые зарабатывали на жизнь охотой и рыболовством, не занимаясь никакими видами земледелия. Их потребности были немногочисленны и просты; поэтому они объединились в отдельные племена и действовали вместе скорее по инстинкту или привычке, чем на основании какого-либо официального соглашения или контракта. Следовательно, их политические институты были столь же просты, как и их потребности; и едва ли у них можно было разглядеть какие-либо признаки регулярного правительства.

Из приведенных выше утверждений можно сделать вывод, что политические институты американских индейцев проистекают из особенностей их положения. Их военная тактика, их форма правления, их своеобразные религиозные убеждения и их непобедимый дух мести - все это проистекает из их своеобразного состояния полумодернизации. То, что окружающие их обстоятельства определяют характер их политических и других институтов, будет полностью доказано нами, когда мы перейдем к рассказу об усилиях квакеров по цивилизации онейд и сенека Пяти наций. Социалист легко поймет, как приведенные выше утверждения, касающиеся политических институтов американских аборигенов, подтверждают и иллюстрируют истинность его принципов.

О военной тактике североамериканских индейцев.

Есть два мотива, побуждающих дикие народы к войне; это *интерес* и *месть*. Последнее действует с жестокостью среди грубых народов, неизвестной среди цивилизованных людей. Желание мести - первый и почти единственный принцип, который дикарь прививает своим детям. Это растет вместе с его ростом и укрепляется вместе с его силой и приобретает силу и перевес над всеми другими страстями, что делает его похожим на инстинктивную ярость тигра или гиены. “Находясь во власти этой страсти, - говорит Робертсон, - человек становится самым жестоким из всех животных. Он не жалеет, не прощает и не щадит. Сила этой страсти настолько хорошо понятна самим американцам, что они всегда прибегают к ней, чтобы побудить народ взяться за оружие. Если старейшины какого-либо племени пытаются пробудить молодежь от лени, если вождь желает привлечь группу воинов последовать за ним и вторгнуться во вражескую страну, то наиболее убедительные темы их боевого красноречия черпаются из мести. ‘Кости наших соотечественников,’ говорят они, - лежат непокрытыми; их окровавленная постель не вымыта дочиста. Их души вызывают к нам; их нужно умиротворить. Давайте пойдем и

пожрем людей, которыми они были убиты. Не сидите больше бездейтельно на своих циновках; поднимите топор, утешьте души мертвых и скажите им, что они будут отомщены”.

Воодушевленные такими увещеваниями, молодые люди в порыве ярости хватаются за оружие, возносят воинственную песню и сгорают от нетерпения обогреть свои руки кровью врагов. Частные вожди собирают небольшие отряды и вторгаются во враждебное племя, не посоветовавшись с правителями общины. Одинокий воин, движимый капризом или мстостью, выйдет на поле боя в одиночку и пройдет несколько сотен миль, чтобы застать врасплох и отрезать отступающего врага. Подвиги прославленного воина в таких одиночных вылазках часто составляют главную роль в истории американской кампании; и их старейшины потворствуют таким нерегулярным вылазкам, поскольку они склонны лелеять боевой дух и приучать свой народ к предприимчивости и опасности. [28] Но когда война носит национальный характер и ведется государственной властью, обсуждения носят формальный и медленный характер. Собираются старейшины; они излагают свое мнение в торжественных речах; они со зрелостью взвешивают природу предприятия и взвешивают его выгодные или невыгодные последствия с немалой долей политической проницательности. С их священниками и прорицателями советуются, а иногда они спрашивают совета даже у своих женщин. [29] Если люди настроены на войну, они готовятся к ней с большими церемониями. Лидер предлагает провести экспедицию, и его принимают. Но никто не обязан следовать за ним; решение сообщества начать военные действия не налагает никаких обязательств на кого-либо из членов принимать участие в войне. Каждый человек по-прежнему является хозяином своего поведения, и его участие в служении совершенно добровольно. [30]

Принципы, которыми они регулируют свои военные операции, хотя и чрезвычайно отличаются от тех, которые имеют место в более цивилизованных и густонаселенных странах, хорошо соответствуют их собственному политическому состоянию и характеру страны, в которой они действуют. Они никогда не выступают в поход многочисленными отрядами, поскольку потребовались бы большие усилия предусмотрительности и трудолюбия, чем это обычно бывает у дикарей, чтобы обеспечить себе пропитание во время перехода в несколько сотен миль по унылым лесам или во время длительного путешествия по их озерам и рекам. Их армии не обременены поклажей или военными припасами. Каждый воин, помимо оружия, имеет при себе циновку и небольшой мешочек с толченой кукурузой, и с ними он полностью экипирован для любой службы. Находясь на расстоянии от границы противника, они рассеиваются по лесам и добывают себе пропитание дичью, которую они убивают, или рыбой, которую они ловят. По мере того, как они приближаются к территориям страны, на которые намереваются напасть, они собирают свои войска и продвигаются с большой осторожностью. Даже в своих самых горячих и активных войнах они действуют исключительно с помощью стратагем и засад. Они не считают своей славой атаковать своих врагов открытой силой. Застигать врасплох и уничтожать - величайшая заслуга командира и высшая гордость его последователей. Война и охота - его единственные занятия, и они проводят их с одинаковым духом и одинаковым искусством. Они идут по следам своих врагов через лес. Они стараются обнаружить свои убежища; они прячутся в какой-нибудь чаще неподалеку от них и с терпением охотников, подстерегающих дичь, остаются на своем месте день за днем, пока не смогут броситься на свою добычу, когда она будет в наибольшей безопасности и наименее способна оказать ей сопротивление. Если они не встречают разрозненных отрядов противника, они продвигаются к своим деревням, но с такой заботой о том, чтобы скрыть свое собственное приближение, что часто ползут на руках и ногах по лесу и красят свою кожу в тот же цвет, что и увядшие листья,

чтобы их не обнаружили. [31] Если им посчастливится остаться незамеченными, они подожгут вражеские хижины глубокой ночью и устроят резню жителям, пока те голыми и беззащитными спасаются от пламени. Если они надеются отступить, не подвергаясь преследованию, они уводят с собой нескольких пленников, которых приберегают для более ужасной участи. Но если, несмотря на всю их ловкость и предосторожности, они обнаруживают, что их передвижения обнаружены, что враг поднял тревогу и готов противостоять им, они обычно считают наиболее благоразумным отступить. Они считают крайней глупостью встречаться на равных с врагом, который настороже, или давать бой в открытом поле. Самый выдающийся успех является позором для лидера, если он был приобретен сколь-нибудь значительными потерями его последователей; и они никогда не хвастаются победой, если она запятнана кровью их собственных соотечественников. [32] Пасть в бою вместо того, чтобы считаться достойной смертью, - это несчастье, которое навлекает на память о войне обвинение в опрометчивости или неблагоразумии. [33]

Бьюкенен в своих "Очерках североамериканских индейцев", говоря о военной тактике пяти народов, отмечает: "Перед отправлением в любую военную экспедицию они устраивают пир, на который приглашаются все известные воины нации; когда они танцуют воинственный танец под бой барабанов. Воины рассаживаются в два ряда; каждый встает по очереди и поет о совершенных им подвигах, так что они поднимают свой дух до высокой степени энтузиазма. Они приходят на эти танцы с лицами, раскрашенными устрашающим образом, чтобы выглядеть устрашающе в глазах своих врагов. Этими военными песнями они сохраняют историю своих великих достижений. Торжественный прием этих воинов и бурные аплодисменты, которыми они встречают свое возвращение, не могут не произвести на слушателя такого же эффекта в возбуждении стремления к славе, какой триумф оказывал на древних римлян. После того, как их пленники оказываются в безопасности, они никогда не предлагают им ни малейшего плохого обращения, но, напротив, скорее заморят себя голодом, чем допустят, чтобы они нуждались; и меня всегда уверяли, что нет ни одного случая, когда они подвергали бы малейшему насилию целомудрие какой-либо женщины, которая была их пленницей. Пленники обычно распределяются между теми, кто потерял члена своей семьи в бою: если их принимают, они пользуются всеми привилегиями, которые были у этого человека; но если иначе, они умирают в мучениях, чтобы утолить месть тех, кто им отказывает.

"Они не используют в своих войнах ни барабан, ни трубу, ни какие-либо другие музыкальные инструменты; их глотки служат им во всех случаях. Мы обнаруживаем, что то же самое практиковали герои Гомера:

Трижды повышая высоту своего высокого голоса, он произносит:

О друг! Крики Улисса вторгаются в мои уши"!

Способ истязания пленных, взятых в бою, упомянутый в предыдущем отрывке, преобладает среди всех индейских племен Северной Америки. *Хеквельдер*, моравский миссионер, который приобрел много сведений об индейских обычаях, прожив большую часть своей жизни среди индейцев Пенсильвании и прилегающих штатов, вот что говорит об этом обычае:

"Много говорилось о предварительных жестокостях, которым подвергались пленники, когда они входили в индейскую деревню вместе с воинами-завоевателями. Несомненно, что такое

обращение очень сурово, когда речь идет о конкретной мести; но в остальном я могу сказать правду, что во многих случаях это скорее сцена развлечения, чем наказания. Многое зависит от мужества и присутствия духа заключенного. При въезде в деревню ему показывают раскрашенный столб на расстоянии от двадцати до сорока ярдов и велят бежать к нему и ухватиться за него как можно быстрее. По обе стороны от него стоят мужчины, женщины и дети с топорами, палками и другим наступательным оружием, готовые ударить его, когда он бежит, точно так же, как это делается в европейских армиях, когда солдаты, как это называется, бегут врукопашную. Если ему настолько не повезет, что он упадет на пути, он, вероятно, будет немедленно отправлен на тот свет каким-нибудь человеком, жаждущим отомстить за смерть какого-нибудь родственника или друга, убитого в бою; но в тот момент, когда он достигает своей цели, он в безопасности и защищен от дальнейших оскорблений, пока не будет решена его судьба.

Если заключенный в такой ситуации проявляет решительную храбрость и, когда ему предлагают бежать к нарисованному столбу, сразу же начинает изо всех сил и прилагает всю свою силу и проворство, пока не достигнет его, он, как правило, убегает без особого вреда, а иногда и вообще без каких-либо травм, и, достигнув желаемой точки, он с удовлетворением услышит аплодисменты своей храбрости. Но горе трусу, который колеблется или проявляет какие-либо признаки страха! С ним обращаются без особой жалости, и он может считать себя, наконец, счастливым, если ему удастся спастись.

“В апреле месяце 1782 года, когда я сам был пленником в Лоуэр-Сандаски, ожидая возможности отправиться с торговцем в Детройт, я стал свидетелем сцены, подобной этому описанию, которая полностью иллюстрировала то, что я изложил выше. Однажды четырнадцать воинов из гарнизона форта М'Интош привели трех американских пленных. Как только они пересекли реку Сандаски, к которой примыкала деревня, Командир отряда приказал им бежать изо всех сил к нарисованному столбу, который им показали. Младший из троих, ни секунды не колеблясь, немедленно бросился к нему и, к счастью, достиг его, не получив ни единого удара; второй на мгновение замешкался, но, опомнившись, тоже побежал так быстро, как только мог, и тоже добрался до столба невредимым; но третий, испуганный видом столько мужчин, женщин и детей с оружием в руках, готовых ударить его, продолжал умолять капитана пощадить его жизнь, говоря, что он каменщик и построит ему прекрасный большой каменный дом или сделает для него все, что ему заблагорассудится. ‘Спасайся бегством, - крикнул ему вождь, - и не говори сейчас о строительстве домов’! Но бедняга все еще настаивал, умоляя и моля капитана, который, в конце концов, убедился в тщетности его увещеваний и, опасаясь последствий, повернулся к нему спиной и больше не хотел его слушать. Наш каменщик бросился бежать, но получил множество сильных ударов, один из которых чуть не свалил его на землю, что, если бы он упал, сразу решило бы его судьбу. Он, однако, достиг цели, не без серьезных ушибов, и, кроме того, его повсюду горько упрекали и высмеивали как подлого труса, в то время как других приветствовали как храбрых людей и удостоивали знаков всеобщего одобрения”.

О религии североамериканских индейцев.

С. Ф. Джарвис, доктор медицинских наук из Нью-Йорка, в своем рассуждении о религии североамериканских индейцев подробно излагает многие факты, иллюстрирующие представления, которых они придерживаются в отношении Божества и будущего государства.

Его высказывания по этому поводу отличаются как исследовательностью, так и точностью; хотя в первой части своего выступления он отклонился от темы с целью пустить клерикальную стрелу в память о Волне и Вольтере. Это, однако, простительно человеку, имеющему звание доктора богословия. Предавшись множеству рассуждений об истинной религии и способах ее искажения, он замечает:

Таким образом, убедившись, что все ложные религии в большей или меньшей степени являются отклонениями от истинных; что в человеческом разуме существует тенденция формировать низкие и ограниченные представления о Высшем Существе; и что, фактически, все народы впали в развращение политеизмом и идолопоклонством, мы должны заключить, даже рассуждая *априори*, что религия индийцев будет признана имеющей общий характер. Соответственно, достаточно подтвержден тот факт, что, хотя они признают одно Верховное Существо, которого они называют *Великим Духом*, или *Повелителем Жизни*, они также верят в подчиненных божеств, которые в основном управляют делами людей.

“Шарлевуа, имевший все возможности получить информацию, которую могли дать личные наблюдения и объединенные свидетельства французских миссионеров, является безупречным свидетелем в отношении гуронов, ирокезов и алгонкинов. Ничто, говорит он, не является более определенным, хотя и в то же время туманным, чем представление американских дикарей о Высшем Существе. Все согласны с тем, что он - Великий Дух, и что он - хозяин, создатель и правитель мира. [34] Гуроно называют его Арескоуи; ирокезы, с небольшими вариациями, Агрескоуэ. С ними Он, бог войны. Его имя они призывают на марше. Это сигнал к вступлению в бой, и это боевой клич в самый разгар битвы. [35]

Но, помимо Высшего Существа, они верят в бесконечное количество низших духов, которые являются объектами поклонения. Их они делят на хороших и плохих. Добрых духов призывают гуроно, *окки*, алгонкины, *маннитусы*. Они полагают, что они являются хранителями людей и что у каждого есть свое собственное божество-покровитель. Фактически, каждая вещь в природе имеет свой дух, хотя не все они имеют одинаковый ранг и одинаковое влияние. Животные, на которых они охотятся, обладают своими духами. Если они чего-то не понимают, то сразу говорят, что это дух. Если какой-либо человек совершает выдающийся подвиг или проявляет экстраординарные таланты, о нем говорят, что он дух, или, другими словами, предполагается, что его божество-покровитель обладает сверхъестественной силой. [36]

Примечательно, однако, что эти божества-покровители не должны брать людей под свою защиту до тех пор, пока не будет сделано что-то, заслуживающее этой милости. Родитель, желающий заполучить духа-хранителя для своего ребенка, сначала чернит ему лицо, а затем заставляет поститься в течение нескольких дней. В течение этого времени ожидается, что дух явит себя во сне; и по этой причине каждое утро ребенка с тревогой обследуют на предмет видений предыдущей ночи. Что бы ни снилось ребенку чаще всего, даже если это голова птицы, лапа животного или любой другой предмет самой никчемной природы, становится символом или фигурой, под которой *Окки* являет себя. С этой фигурой в представлениях его приверженца отождествляется дух; образ сохраняется с величайшей тщательностью — это постоянный спутник во всех великих и важных случаях и постоянный объект консультаций и поклонения. [37]

“Как только ребенку сообщают, какова природа или форма его божества-покровителя, его тщательно инструктируют относительно возложенных на него обязанностей оказывать ему почтение, следовать его советам, сообщаемым во снах, заслуживать его благосклонность,

безоговорочно доверять его заботе и опасаться последствий его неудовольствия. По этой причине, когда гурон или ирокез отправляется на битву или в погоню, изображение его *окки* носят с собой так же бережно, как и его оружие. Ночью каждый устанавливает своего идола-хранителя на частокоче, окружающем лагерь, лицом к тому кварталу, в который собираются отправиться воины или охотники. Затем он молится ему в течение часа, как он делает также утром, прежде чем продолжить свой путь. Оказав это почтение, он ложится отдохнуть и засыпает в спокойствии, полностью убежденный, что его дух возьмет на себя всю обязанность по охране и что ему нечего бояться.

“С этим рассказом Шарлевуа полностью согласуются сведения, которые приводят моравские миссионеры не только об ирокезах, но и о ленапе, или делаваках, и многочисленных племенах, происходящих от них. ‘Преобладающее мнение всех этих народов таково, - говорит Лоскиэль, - что есть один Бог, или, как они его называют, один великий и благой дух, который сотворил небеса и землю и создал человека и всякое другое творение. Но, помимо Верховного Существа, они верят в добрых и злых духов, считая их второстепенными божествами. Наши миссионеры не обнаружили среди индейцев примитивного политеизма или грубого идолопоклонства. Однако у них есть нечто, что можно назвать идолом. Это *манитто*, представляющее собой выполненную из дерева голову человека в миниатюре, которую они всегда носят с собой либо на веревочке вокруг шеи, либо в сумке. Они вешают это также и на своих детей, чтобы уберечь их от болезней и обеспечить им успех. Когда они совершают торжественное жертвоприношение, *манитто*, или голова размером с живую особь, насаживается на шест посреди дома. Но под словом *манитто* они понимают каждое существо, которому делается подношение, особенно все добрые духи. Они также рассматривают стихии, почти всех животных и даже некоторые растения, как духов; один превосходит другого по достоинству и силе. Манитто также считаются духами-покровителями. У каждого индейца есть один или несколько, которые, по его мнению, специально даны ему для того, чтобы помогать ему и делать его процветающим. Один во сне получил солнце в качестве своего духа-покровителя, другой - луну, третий - сову, четвертый - буйвола. Индеец впадает в уныние и считает себя покинутым Богом, пока не получит духа-покровителя во сне; но те, кто удостоился такой милости, полны мужества и гордятся своим могущественным союзником”. [38]

Этот рассказ подтверждается Хеквелдером в его поздней интересной "истории индейских народов".

“Частью их религиозной веры является то, - говорит он, - что есть низшие *манитто*, которым великое и благое существо передало власть над стихиями; что, будучи столь великим, оно, подобно их вождям, должно иметь своих слуг для исполнения его высших повелений: эти подчиненные духи (нечто среднее по своей природе между Богом и человеком) видят и сообщают ему, что делается на земле; особенно свысока они смотрят на индейцев, чтобы узнать, нуждаются ли они в помощи, и готовы по их зову помочь им и защитить от опасности”. . . Таким образом, я часто был свидетелем того, как индейцы при приближении бури или порыва грома обращаются к *манитто* воздуха, чтобы отвести от них всякую опасность; я также видел, как чиппуэи на озерах Канады молились *манитто* вод, чтобы он не позволил волнам подняться слишком высоко, пока они проходят над ними. В обоих этих случаях они выражали свою готовность быть благодарными, подбрасывая табак в воздух или разбрасывая его по воде. "Но среди всех этих суеверных представлений верховный *манитто*, творец и хранитель неба и

земли, является великим объектом их поклонения. На него они возлагают свои надежды; к нему они обращают свои молитвы и приносят свои торжественные жертвы". [39]

Индейцы племени Книстино, населяющие страну, простирающуюся от Лабрадора через континент до высокогорья, отделяющего воды озера Верхнее от вод Гудзонова залива, судя по рассказу Маккензи, придерживаются той же системы, состоящей из одного великого Верховного и бесчисленных подчиненных божеств. 'Великий хозяин жизни', по их собственному выражению, является священным объектом их поклонения. Но каждый мужчина носит в своей аптечке что-то вроде домашнего божка, представляющего собой маленькое резное изображение длиной около восьми дюймов. Его первое покрытие - пух, поверх которого плотно привязан кусок буковой коры, и все это завернуто в несколько складок синей и красной ткани. Эта маленькая фигурка - объект самого благочестивого отношения.

Примечательно, что описание культа жителей Кубы, данное Питером Мартиром, который был спутником Колумба, полностью согласуется с рассказом Маккензи о северных индейцах. Они верили в существование единого верховного, невидимого, бессмертного и всемогущего Творца, которого они называли *Джокахуна*, но в то же время признавали множество подчиненных божеств. У них были маленькие фигурки, называемые Земес, на которых они смотрели всего лишь как на своего рода посланников между ними и вечным всемогущим и невидимым Богом. Эти изображения они рассматривают как тела, населенные духами, и поэтому от них были получены оракульные ответы, произнесенные по божественному повелению". [40]

"Религия Порто-Рико, Ямайки и Эспаньолы была такой же, как и на Кубе, ибо жители принадлежали к той же расе и говорили на том же языке. Карибские острова, с другой стороны, были населены очень свирепым и диким народом, который постоянно находился в состоянии войны с более мягкими аборигенами Кубы и Эспаньолы и относился к ним с величайшим ужасом и отвращением. И все же 'чараибийцы,' выражаясь языком эlegantного историка Вест-Индии, - хотя и питали ужасное чувство единой великой Вселенской Причины, высшего, мудрого и невидимого Существа, обладающего абсолютной и непреодолимой властью, допускали также посредничество подчиненных божеств. Они полагали, что у каждого отдельного человека есть свой особый защитник, или божество-покровитель; и у них были свои законы и наказания, боги, созданные ими самими.' Хьюз в своей "Истории Барбадоса" упоминает множество фрагментов индейских идолов, выкопанных на этом острове, которые были сделаны из тех же материалов, что и их глиняные сосуды. 'Я видел голову одного из них,' говорит он, - которая одна весила более шестидесяти фунтов. До того, как ее отломали, она стояла на овальном пьедестале высотой около трех футов. Головы у всех остальных были очень маленькими. Эти меньшие идолы, по всей вероятности, были сделаны небольшими для простоты и удобства ношения с собой в нескольких путешествиях, поскольку более крупные, возможно, были предназначены для указанных мест поклонения". [41]

Таким образом, на этой огромной территории страны, от Гудзонова залива до Вест-Индии, включая народы, языки которых радикально различаются, народы, не связанные друг с другом и неизвестные друг другу, преобладает величайшее единообразие веры в верховное Существо и величайшая гармония в их системе политеизма. После этого взгляда невозможно не отметить, что среди индейцев Америки наблюдается такой же отход от первоначальной религии, как и среди более цивилизованных народов Египта, Греции и Рима. Идея Божественного Единства сохранилась гораздо совершеннее; подчиненные божества держатся на гораздо более

неизмеримом расстоянии от Великого Духа; и, прежде всего, среди них не было попыток унижить до подобия человека невидимого и непостижимого Творца Вселенной. Фактически, это именно та более мягкая форма идолопоклонства, которая 'преобладала повсюду со дней Авраама, за исключением его единственной семьи', и которая после смерти этого патриарха и его сына Исаака время от времени заражала даже саму избранную семью ". [42]

"Вера в будущее состояние наград и наказаний сохранялась живой среди всех языческих народов благодаря ее связи с чувственными удовольствиями и страданиями и вытекающими из этого надеждами и ужасом людей.

"Его происхождение, должно быть, было в божественном откровении; [43] ибо невозможно представить, что разум мог достичь этого своими собственными силами без посторонней помощи. Но мысль, однажды высказанная, после кораблекрушения растворяющейся природы будет цепляться за нее хваткой угасающей надежды. Следовательно, до сих пор не было найдено ни одной нации, какой бы грубой и варварской она ни была, которая не была бы согласна с великим и общим принципом карающего бессмертия. Когда, однако, мы переходим к деталям и исследуем их особые представления относительно этого ожидаемого состояния, мы обнаруживаем, что их традиции окрашены характером их земных занятий и теми мнениями, которых они придерживались на предмет добра и зла.

"Это замечание полностью подтверждается историей американских индейцев. 'Вера, наиболее прочно утвердившаяся среди американских дикарей, ' говорит Шарлевуа, ' это вера в бессмертие души. Они полагают, что, будучи отделенным от тела, оно сохраняет те же склонности, которые были у него, когда оба были соединены. По этой причине они хоронят вместе с мертвыми все, чем пользовались при жизни. Некоторые воображают, что у всех людей есть две души, одна из которых никогда не покидает тела, разве что для того, чтобы вселиться в другую. Это переселение, однако, свойственно душам тех, кто умирает в младенчестве и поэтому имеет привилегию начать вторую жизнь, поскольку они так мало наслаждались первой. Поэтому детей хоронят вдоль дорог, чтобы проходящие мимо женщины могли получить их души. Из этой идеи о том, что они остаются с телом, возникает обязанность класть еду на их могилы; [44] было замечено, что матери извлекали из своей груди ту пищу, которую эти маленькие существа любили при жизни, и проливали ее на землю, которая покрывала их останки ". [45]

"Когда приходит время для ухода тех духов, которые покидают тело, они переходят в область, которой суждено стать их вечной обителью и которая поэтому называется страной душ. Эта страна находится на большом расстоянии к Западу, и путь туда стоит им многих месяцев. Им предстоит преодолеть много трудностей и столкнуться со многими опасностями. Они говорят о реке, в которой многие терпят кораблекрушение; о собаке, от которой они с трудом защищаются; о месте страданий, где они искупают свои проступки; о другом, в котором души тех заключенных, которые подверглись пыткам, снова подвергаются пыткам и которые поэтому задерживаются на своем пути, чтобы как можно дольше оттянуть момент своего прибытия. Из этой идеи следует, что после смерти этих несчастных жертв, из страха, что их души могут остаться в хижинах их мучителей из-за жажды мести, последниестараются наносить удары по каждому месту вокруг себя посохом и издавать такие ужасные крики, которые могут заставить их уйти ". [46]

"Быть преданным смерти как пленник, следовательно, является исключением из индийского рая; и, действительно, предполагается, что души всех, кто умер насильственной смертью, даже

на войне и на службе своей стране, не должны иметь общения в будущем мире с другими душами. Поэтому они сжигают тела таких людей или хоронят их, иногда до того, как они испускают дух. Их никогда не помещают в общее место погребения, и они не участвуют в той торжественной церемонии, которую гуроны и ирокезы соблюдают каждые десять лет, а другие народы - каждые восемь, когда всех, кто умер за этот период, помещают в общее место захоронения.

“Быть хорошим охотником, храбрым на войне, удачливым в любом предприятии и одерживать победы над многими врагами - вот единственные титулы, позволяющие войти в их обитель блаженства. Счастье этого места заключается в неиссякаемых запасах дичи и рыбы, вечной весне и изобилии всего, что может услаждать чувства, не затрачивая труда на их добывание. Таковы удовольствия, которые они предвкушают, которые часто возвращаются усталыми и голодными с охоты, которые часто подвергаются воздействию сурового зимнего неба и которые смотрят на любой труд как на недостойное мужчины занятие.

“Чиппевайцы живут между параллелями 60 и 65 северной широты, в регионе почти вечных снегов; где земля никогда не тает и настолько бесплодна, что не производит ничего, кроме мха. [47]

Поэтому для них вечная зелень и плодородие, а также воды, не покрытые льдом, являются сладострастными образами. Поэтому они воображают, что после смерти они будут жить на прекраснейшем острове в центре самого обширного озера. На поверхности этого озера они сядут в каменное каноэ, и, если их действия в целом были хорошими, легкое течение унесет их в их восхитительную и вечную обитель. Но если, напротив, преобладают их дурные поступки, каменное каноэ тонет, и они остаются по подбородок в воде, чтобы созерцать и сожалеть о награде, которой пользуются добрые, и вечно бороться, но безуспешно, за то, чтобы достичь острова блаженства, с которого они навсегда изгнаны. [48]

С другой стороны, эрровоки, или уроженцы Кубы, Эспаньолы, Порто-Рико, Ямайки и Тринидада, естественно, находили удовольствие во всем, что было противоположно жестокости тропического климата. Поэтому они предполагают, что духи добрых людей перенеслись в приятную долину *Кояба*; место безмятежного спокойствия, изобилующее *гуавами* и другими вкусными фруктами, прохладной тенью и журчащими ручейками; в страну, где никогда не бушует засуха и никогда не ощущается ураган. [49]

“В то время как эти сладострастные люди полагали, что счастье будущего государства будет заключаться в этих безмятежных удовольствиях, их свирепые враги, чараибы, предвкушали рай, в котором храбрецам будут помогать их жены и пленницы. Дегенератов и трусов они обрекли на вечное изгнание за горы; на неустанный труд на должностях, позорящих мужественность, — позор, усугубленный величайшим из всех несчастий, пленом и рабством у эрровов”. [50]

“Всем низшим божествам, добрым или злонамеренным, гуроны, ирокезы и алгонкины делают различного рода подношения. Чтобы умиловить Бога вод, говорит Шарлевуа, ‘они бросают в ручьи и озера табак и птиц, которых они умертвили. В честь солнца, а также низших духов, они сжигают в огне часть каждой вещи, которой пользуются, в знак признания силы, от которой они получили это имущество. В некоторых случаях было замечено, что они совершают возлияния, таинственным образом призывая при этом объект своего поклонения. Эти заклинания они никогда не объясняли; то ли потому, что они на самом деле не имеют никакого значения, то ли

потому, что слова передавались по традиции без указания их значения, то ли потому, что сами индейцы не желают раскрывать секрет. Нити вампума, табака, початки кукурузы, шкуры, а часто и целые туши животных можно увидеть вдоль труднопроходимых или опасных дорог, на скалах и на берегах порогов в качестве многочисленных подношений главному духу этого места. В этих случаях собаки являются наиболее распространенными жертвами; их часто подвешивают живыми к деревьям за задние лапы, где их оставляют умирать в состоянии безумия". [51]

“То, что Шарлевуа утверждает таким образом в отношении гуронов, ирокезов и алгонкинов, упоминается Маккензи как практикуемое среди книстено. ‘Существуют определенные периоды, - говорит он, - такие как весна и осень, когда проводятся очень долгие и торжественные церемонии. В этих случаях в жертву приносят собак, причем предпочтение отдается жирным и молочно-белым. Они также делают большие пожертвования своей собственностью, какой бы она ни была. Место проведения этих церемоний находится в открытом месте, на берегу реки или озера, и на самом видном месте, чтобы проходящих мимо или путешествующих можно было побудить совершить свои подношения. Среди них также существует особый обычай, согласно которому в таких случаях, если кто-либо из племени или даже незнакомец проходит мимо и испытывает реальную нужду в какой-либо вещи, выставленной в качестве подношения, он имеет право взять ее, чтобы заменить какой-нибудь вещью, которую он может пощадить, хотя она имеет гораздо меньшую ценность; но брать или прикасаться к какой-либо вещи без причины считается святотатственным действием и в высшей степени оскорбительным *для великого мастера жизни*, который является священным объектом их поклонения.’ Далее он замечает, что на пирах, устраиваемых их вождями, "перед тем, как приступить к еде, в жертву приносят небольшое количество мяса или питья, бросая его в огонь или на землю". [52]

Похожий отчет дает Адэр о практике среди криков, катабахов, чероки, чокто и других южных индейцев. ‘Индейские женщины,’ говорит он, ‘ всегда бросают в огонь маленький кусочек самого жирного мяса, когда они едят, и часто перед тем, как приступить к еде. Они притворяются, что извлекают из этого предзнаменования, и твердо верят, что это средство получения временных благ и предотвращения временных зол. Мужчины, как на летней, так и на зимней охоте, приносят в жертву в лесу большой жирный кусок первого убитого ими самца, а часто и всю тушу целиком. Это они приносят в жертву либо в знак благодарности за восстановление здоровья и за свои прежние успехи в охоте, либо за то, что божественная забота и доброта все еще могут быть с ними.’ [53]

“Песня воинов ленапе, когда они выходят навстречу своему врагу, заканчивается обещанием жертвы, если они вернутся целыми и невредимыми.

О, Ты, Великий Дух свыше!

...

Дай мне силу и мужество встретиться с моим врагом;

Позволь мне снова вернуться к моим детям,

Моей жене,

И моим родственникам!

Сжался надо мной и сохрани мне жизнь.

И я принесу тебе жертву.

“Соответственно, ”после успешной войны, - говорит Хеквелдер, - они никогда не упускают случая принести жертву великому Существо, чтобы отблагодарить его за то, что он дал им мужество и силу уничтожать или покорять своих врагов". "" [54]

Лоскиел, который подробно рассказал о жертвоприношениях, приносимых ленапе или делаварами, и который, по словам Хеквелдера, почти исчерпал тему, утверждает, что они приносятся во всех случаях, как самых тривиальных, так и самых важных. ‘Они приносят в жертву зайца, - говорит он, - потому что, согласно слухам, первые предки индейского племени носили это имя’. Индийскому хлебу они приносят в жертву медвежатину, а оленям и медведицам - индийскую кукурузу; рыбам - маленькие кусочки хлеба в форме рыб; но они категорически отрицают, что оказывают какое-либо почитание этим подчиненным добрым духам, и утверждают, что поклоняются через них только истинному Богу: ”ибо Бог, - говорят они, - не требует от людей немедленного подношения или поклонения ему”. Следовательно, Он объявил свою волю во снах, сообщив им, каких существ они должны считать *манитто* и какие подношения им делать". [55]

Когда мальчику снится, что он видит большую хищную птицу размером с человека, летящую к нему с Севера и говорящую ему: "Поджарь мне немного мяса", мальчик обязан принести в жертву этой птице первого оленя или медведя, которого он подстрелит. Это жертвоприношение назначается стариком, который определяет день и место, в котором оно должно быть совершено. За три дня до него отправляются гонцы, чтобы пригласить гостей. Они собираются в каком-нибудь уединенном месте, в доме, достаточно большом, чтобы вместить три очага. У среднего костра старик совершает жертвоприношение. Послав за двенадцатью прямыми и гибкими палками, он воткнул их в землю так, чтобы образовалось круглое место, и накрыл их одеялами. Затем он закатывает в ограду двенадцать раскаленных камней, каждый из которых посвящен конкретному богу. Самый большой принадлежит, как говорится, великому богу на небесах; второй - солнцу или богу дня; третий - солнцу или луне; четвертый - земле; пятый - огню; шестой - воде; седьмой - жилищу или дому Бога; восьмой - индийской кукурузе; девятый - Западу; десятый - Югу; одиннадцатый - Востоку; двенадцатый - Северу. Затем старик берет погремушку с несколькими зернами индийской кукурузы и, ведя мальчика, в честь которого совершается жертвоприношение, за ограду, бросает горсть табака на раскаленные камни и, когда поднимается дым, гремит своей тыковкой, называя каждого бога по имени и говоря: ‘Этот мальчик (называя его по имени) предлагает тебе прекрасного жирного оленя и восхитительное блюдо сапан! Сжался над ним и даруй удачу ему и его семье". [56]

“Все жители Вест-Индии приносили жертвы; и из них харайбы имели обыкновение на похоронах своих друзей приносить в жертву пленных, взятых в бою. [57] Вряд ли мне нужна реклама хорошо известного факта, что мексиканцы приносили человеческие жертвы. Из них все испанские историки представили самый ужасный и отвратительный отчет, и более подробно они описаны Берналем Диасом, который был очевидцем, с самой бесхитростной и трогательной простотой. Однако среди нынешних индейских племен нет следов этой практики, если только истязание их пленников, как, по-видимому, намекает Шарлевуа, не рассматривается как жертвоприношение богу войны.

“Увидев, что жертвоприношения практикуются среди индейцев, мы, естественно, приходим к рассмотрению вопроса, есть ли среди них священнослужители; и по этому вопросу

свидетельства путешественников несколько расходятся. Маккензи упоминает, что у чипевянов есть верховные жрецы; [58] тем не менее, он описывает публичные жертвоприношения кнесто, приносимые их вождями, и частные, каждым человеком в его собственной каюте, которому помогает его самый близкий друг. [59] Шарлевуа говорит, что у индейцев, о которых он пишет, 'на публичных церемониях вождями являются священники; на частных - отец каждой семьи; а там, где их нет, самая значительная персона в хижине. Пожилой миссионер, - говорит он, - живший среди оттава, утверждал, что у них должность священника исполнял старик'. Лоскиел говорит о ленапе, или индейцах штата Делавэр, что 'у них нет ни регулярно назначаемых священников, ни храмов. При общих и торжественных жертвоприношениях обязанности жрецов выполняют старейшие мужчины; но на частных вечеринках каждый приносящий жертву сам является жрецом. Вместо храма для этой цели оборудовано большое жилое здание.' Впоследствии он говорит о месте жертвоприношения под названием "дом жертвоприношения" и упоминает, что оно находится "в уединенном месте". [60]

С другой стороны, Бартрам в своем рассказе о южных племенах говорит: "в каждом городе или племени есть верховный жрец с несколькими низшими или младшими жрецами, которых белые люди называют жонглерами или фокусниками". [61] С той же целью Адэр утверждает, что у них "есть свои первосвященники и другие представители религиозного ордена". "Иштахулло, - замечает он, - это название всего их священнического ордена, и их папская должность переходит по наследству к старшему". [62]

Однако, несмотря на это разнообразие, разница заключается скорее во внешнем виде, чем в реальности. Различные значения, придаваемые одним и тем же словам, вследствие произвольных ассоциаций могут приводить к разнообразию описаний. Если священник - это тот, чьей исключительной обязанностью является совершение религиозных обрядов, тогда следует признать, что среди индейцев существует духовенство; ибо те, кто отрицают, что у них есть священники, допускают, что при их публичных жертвоприношениях вожди являются единственными лицами, уполномоченными совершать обряды. Таким образом, единственная разница заключается в том, связано ли священство с должностью магистрата или нет.

"Среди христиан, как и среди евреев, священство отличается от гражданской власти; но до разделения семьи Аарона эти две должности обычно были объединены. Мелхиседек был одновременно царем Салима и священником Всевышнего Бога. Иофор был в одно и то же время священником и князем Мадиямским; и сам Авраам, которого называют князем, выполнял жреческие функции. Мы находим, что этот союз царственного и жреческого характеров существует среди языческих народов. Гомер описал престарелого пилосского царя как совершающего религиозные обряды; [63] а Вергилий рассказывает о монархе Делоса, который был и священником, и царем:—

'Rex Anius, rex idem, hominum Phœbique sacerdos.' [64]

"Среди криков и других южных индейцев, по-видимому, преобладает монархическая форма правления; среди северных индейцев - республиканская. В обоих случаях священническая должность может быть объединена с гражданской властью и, следовательно, обладать ее особым характером. В одном случае она может быть наследственной, в другом - выборной. Если этого недостаточно для согласования противоречивых свидетельств, мы обязаны, я думаю, уважать объединенные показания Шарлевуа и Лоскиела, отдавая предпочтение любым другим, поскольку у них, по-видимому, не было какой-либо системы, которой они могли бы служить,

которая могла бы придать предвзятость их заявлениям. И если это так, то будет видно, что религия индейцев гораздо ближе к патриархальной, чем к религии евреев. Их общественные священнические должности исполняют их вожди, а в частной жизни главой каждой семьи является ее священник.

Но есть еще одна должность, которую Карвер, Бартрам и другие путают со священством, которая существует у всех индейских племен и относительно которой нет различий в сообщениях путешественников. Этому классу людей французские миссионеры дали название *Jongleurs*, откуда англичане заимствовали название жонглеров или фокусников. Пользуясь определением Шарлевуа, это те слуги своего Бога, чья обязанность - объявлять свои желания и быть их толкователями для людей; или, говоря языком Волни, те, "чье ремесло заключается в толковании снов и ведении переговоров между *Манитто* и приверженцами". 'Канадские жонглеры,' говорит Шарлевуа, - хвастаются, что с помощью добрых духов, к которым они обращаются за советом, они узнают, что происходит в самых отдаленных странах и что должно произойти в самый отдаленный период времени; что они обнаруживают происхождение и природу самых тайных расстройств и постигают скрытый метод их излечения; что они различают курс, которого следует придерживаться в самых запутанных делах; что они учатся объяснять самые неясные сны, обеспечивать успех в самых сложных переговорах и оказывать благосклонность богов воинам и охотникам'. 'Я слышал,' добавляет он, - от людей, обладающих самым несомненным здравомыслием и правдивостью, что, когда эти самозванки запираются в своих камнях для потения, что является одним из их наиболее распространенных приготовлений для исполнения своих трюков, они ничем не отличаются от описаний поэтами жриц Аполлона, восседающих на Дельфийском треножнике. Было замечено, как они впадали в конвульсии, повышали тон голоса и совершали действия, которые, казалось, превосходили человеческие силы и которые внушали непреодолимый ужас даже самым предубежденным зрителям'. Их предсказания иногда так удивительно подтверждались, что Шарлевуа, похоже, твердо верил, что у них были настоящие отношения с отцом лжи. [65]

Этот рассказ о канадских жонглерах подтверждается мистером Хеквелдером в его поздней работе об индейских племенах. 'Это шайка,' замечает он, 'профессиональных самозванцев, которые, пользуясь суеверными предрассудками народа, приобретают имя и репутацию людей с высшими знаниями и обладающих сверхъестественными способностями. Поскольку индейцы в целом верят в колдовство и приписывают искусству колдунов многие расстройства, с которыми они сталкиваются при обычном течении природы, среди них возник этот класс людей, которые претендуют на знание определенной оккультной науки, с помощью которой они способны не только лечить естественные болезни, но и противодействовать или разрушать чары волшебников или ведьм и изгонять злых духов'. [66]

"Есть фокусники другого рода, в основном старики и старухи, которые зарабатывают на жизнь тем, что притворяются обладающими сверхъестественными знаниями, вызывают дождь, когда хотят, и приносят удачу плохим охотникам. Летом 1799 года в стране Маскингам случилась самая необычная засуха. Женщины обратились к старику с просьбой вызвать дождь, и после различных церемоний он объявил, что у них должно быть достаточно дождя. Небо было ясным почти пять недель и было таким же ясным, когда индеец сделал это заявление. Но около четырех часов пополудни горизонт затянуло тучами, и без всякого грома или ветра пошел дождь, и продолжал идти до тех пор, пока земля насквозь не промокла. Опыт, несомненно, научил его замечать, что определенные знаки на небе или в воде были предвестниками дождя;

однако легковверная толпа не преминула приписать это его сверхъестественной силе. [67] Невероятно, до какой степени суевверная вера в колдовство действует на разум индейца. В тот момент, когда его воображение поражает мысль о том, что он околдован, он перестает быть самим собой. Об этой необычайной силе своих заклинателей, о причинах, которые ее производят, и о способе, которым она приобретаетс, они имеют не очень определенное представление. Они думают, что колдун использует какое-то мертвящее вещество, которое он передает человеку, которого собирается ударить, способом, который они не могут ни понять, ни описать. Человека, пораженного таким образом, немедленно охватывает необъяснимый ужас. Его настроение падает, у него пропадает аппетит, его беспокоят во сне, он чахнет или его настигает приступ болезни, и в конце концов он умирает, став жалкой жертвой работы собственного воображения. [68]

“Замечательный пример такой веры в силу этих колдунов и в чудесные эффекты воображения, описанный Хирном, произошел во время его проживания среди северных индейцев, или чепевинан. Матонабби, один из их вождей, попросил его убить одного из своих врагов, который в то время находился в нескольких сотнях миль от него. ‘Чтобы доставить удовольствие этому великому человеку, - говорит он, - и не ожидая, что от этого может быть какой-либо вред, я нарисовал на листе бумаги грубый набросок двух человеческих фигур в позе борца; в руке одного из них я изобразил штык, приставленный к груди другого. - Это, - сказал я Матонабби, указывая на фигуру, державшую штык, - я, а другой - твой враг. Напротив этих двух фигур я нарисовал прекрасное дерево, поверх которого поместил большой человеческий глаз, а из дерева высунулась человеческая рука. Этот документ я отдал Матонабби с инструкциями сделать его как можно более общедоступным. На следующий год, когда он пришел торговать, он сообщил мне, что этот человек мертв. Матонабби заверил меня, что этот человек был совершенно здоров, когда услышал о моем замысле против него, но почти сразу после этого стал совершенно мрачным и, отказываясь от всех видов пищи, через несколько дней умер. [69]

“Бартрам в своем рассказе о нравах и поведках племен, населяющих Флориду и юг Соединенных Штатов, ссылается, как на их общее убеждение, на то, что их провидец общается с могущественными невидимыми духами, которые участвуют в управлении человеческими делами, а также стихиями. Его влияние настолько велико, что часто он поворачивает армию вспять, находясь в пределах дня пути от врага, после марша в несколько сотен миль. ‘Действительно,’ добавляет он, ‘предсказания этих людей удивили многих людей. Они предсказывают дождь или засуху, притворяются, что вызывают дождь по своему усмотрению, излечивают болезни, занимаются колдовством, вызывают или изгоняют злых духов и даже предполагают, что могут направлять гром и молнию.’ [70]

Таким образом, предполагается, что сила этих самозванцев заключается в чудесном излечении болезней; в даровании дождя и других земных благ таким же сверхъестественным образом; в чудесном наложении наказания на объекты их неудовольствия и предсказании будущих событий. Сразу будет видно, что это, по сути, характеристики пророческого служения; я имею в виду те, которые являются внешними и, следовательно, производят неизгладимое впечатление на чувства людей, и, исходя из силы окуллярной традиции, естественно, будут претендовать на них даже после того, как сила Божья была изъята”.

О том, как североамериканские индейцы воспитывают своих детей.

Многие азиатские народы и африканские племена продают своих детей без угрызений совести; но никакое вознаграждение или надежда на выгоду не могут заставить североамериканского индейца отдать своего ребенка незнакомцам. Бьюкенен был свидетелем следующего проявления нежности, с которой американские индейцы относятся к своему потомству:

“Мать с младенцем у груди и двое других детей, одному около одиннадцати, а другому восьми или девяти лет, находились в каноэ примерно в миле от берега во время сильного шквала. Ветер налетал внезапными порывами, и волны быстро набегали на хрупкое суденышко. Бедная женщина, держа в одной руке маленькое весло, а другой обнимая своего младенца, велела двум малышам, у каждого из которых было по веслу, развернуть каноэ по ветру, пока продолжался шквал; что с большим трудом со стороны этих нежных маленьких моряков, которым помогала мать, в конце концов удалось; но во время усилий было очень трогательно видеть сильные эмоции материнской любви, проявленные к бедному младенцу у ее груди. Она крепко прижимала его к своей взволнованной груди, затем бросала мимолетный взгляд на других своих детей и тревожным и пристальным взглядом наблюдала за надвигающейся волной. В этой сцене была продемонстрирована такая высокая степень мужества, ловкости и родительской привязанности, что я бы пожелал, чтобы многие из наших цивилизованных матерей, которые с презрением смотрят на бедную индианку, увидели ее”.

Можно было бы ожидать, что те, кто проявляет такую нежность к своим отпрыскам, должны быть особенно осторожны в отношении их последующего воспитания. Соответственно, мы обнаруживаем, что индийцы уделяют этому вопросу особое внимание. “Справедливо вызывать удивление, - говорит м-р Хеквельдер, - как нация без письменного свода законов или системы юриспруденции, без какой-либо формы правления и даже без единого выборного или наследственного магистрата может сосуществовать в мире и гармонии и проявлять моральные добродетели; как народом можно хорошо и эффективно управлять без какой-либо внешней власти, просто благодаря превосходству, которое люди с высшим умом имеют над людьми более заурядного склада; благодаря молчаливому, но всеобщему подчинению закону. аристократия опыта, таланта и добродетели! Таково, тем не менее, зрелище, которое индийская нация являет взору постороннего человека. Я был свидетелем этого в течение долгого ряда лет, и после долгих наблюдений и размышлений, направленных на то, чтобы обнаружить причину этого явления, я думаю, у меня есть основания быть уверенным, что в значительной степени это следует приписать стараниям, которые индийцы прилагают, чтобы с раннего возраста привить своим детям честные и добродетельные принципы, и методу, которому они следуют в их воспитании. Этот метод я не буду называть системой, поскольку системы неизвестны этим сынам природы, которые, следуя только ее указаниям, сразу открыли и пошли без усилий по тому простому очевидному пути, который философы Европы так долго искали”.

[71]

Способ этого обучения описан нашим добрым миссионером следующим образом:—

“Первый шаг, который родители делают к воспитанию своих детей, - это подготовить их к будущему счастью, внушив их нежным умам, что они обязаны своим существованием великому, доброму и великодушному духу, который не только дал им жизнь, но и предназначил их для

определенных великих целей. Что он дал им плодородную обширную страну, изобилующую всевозможной дичью для их пропитания; и что с помощью одного из своих низших духов он также ниспослал им свыше кукурузу, тыквы, кабачки, бобы и другие овощи для их пропитания; всеми этими благами их предки наслаждались на протяжении многих веков. Что этот великий дух смотрит сверху вниз на индейцев, чтобы увидеть, благодарны ли они ему и воздают ли ему должное за многие дарованные им блага, и, следовательно, что их долг - проявлять свою благодарность, поклоняясь ему и делая то, что приятно в его глазах.

По сути, это первый урок, который преподают и время от времени повторяют индийским детям, что естественным образом заставляет их задуматься и постепенно понять, что существо, которое сделало для них такие великие вещи и все для того, чтобы сделать их счастливыми, должно быть действительно добрым, и что, несомненно, их долг - сделать что-то, что доставит ему удовольствие. Затем им говорят, что их предки, которые получили все это из рук Великого Духа и жили, наслаждаясь этим, должно быть, были проинформированы о том, что было бы наиболее приятно этому доброму существу, и о том, каким образом он мог бы наверняка добиться его благосклонности; и им предписывается обращаться за наставлениями к тем, кто знает все это, учиться у них и уважать их за их знания и мудрость, которыми они обладают; это порождает у детей сильное чувство уважения к старшим и желание следовать их советам и примеру. Затем их юное честолюбие возбуждается, когда им говорят, что они были созданы выше всех других существ и должны иметь власть над ними; прилагаются огромные усилия, чтобы это чувство как можно раньше пустило корни, и оно фактически становится их главной страстью на протяжении всей жизни; ибо не жалеют усилий, чтобы внушить им, что, следуя советам самого почитаемого охотника, траппера или воина, они в будущем приобретут известность и репутацию, равные той, которой обладает он; что, подчиняясь советам стариков, вождей, людей, превосходящих их по силе. в мудрости они также могут возвыситься до славы и называться *мудрецами*- почетный титул, к которому не остается равнодушным ни один индеец. В конце концов им говорят, что если они будут уважать пожилых и немощных, будут добры и услужливы к ним, то и с ними будут обращаться точно так же, когда придет их очередь ощутить немощи старости ”.

Когда считается, что этот первый и важный урок достаточно запечатлелся в умах детей, родители затем продолжают разъяснять им различие между добром и злом; они говорят им, что есть хорошие и плохие поступки, которые они в равной степени могут совершать; что хорошие поступки приятны Доброму Духу, который дал им их существование; и что, напротив, все плохое исходит от Злого Духа, который ничего им не дал, и который не может дать им ничего хорошего, потому что у него этого нет, и поэтому он завидует им в том, что они получили от доброго духа, который дал им их существование. намного превосходящий плохой.

“Этот вводный урок, если его можно так назвать, естественно, вызывает у них желание узнать, что такое хорошо и что такое плохо. Этому родитель учит их по-своему, то есть так, как его самого учили его родители. Это не часовой или дневной урок; это скорее длительный курс скорее практического, чем теоретического обучения; урок, который не повторяется в установленное время года, но на который указывают ребенку не только те, под чьей непосредственной опекой он находится, но и все общество, которое считает себя одинаково заинтересованным в том, какое направление следует дать подрастающему поколению.

“Когда это наставление дается в форме наставлений, не следует предполагать, что оно сделано авторитетным или запрещающим тоном, но, напротив, в самой мягкой и убедительной манере: авторитет родителя никогда не поддерживается жесткими или принудительными средствами; никакие кнуты, никакие наказания, никакие угрозы никогда не используются для навязывания команд или принуждения к повиновению. *Гордость* ребенка - это чувство, к которому апеллируют, и оно оказывается успешным почти во всех случаях. Отцу достаточно сказать в присутствии своих детей: “Я хочу, чтобы то-то и то-то было сделано; я хочу, чтобы один из моих детей отправился с таким-то поручением; позвольте мне посмотреть, кто из *хороших* детей это сделает!” это слово “*хороший*” действует как по волшебству, и дети немедленно соревнуются друг с другом в выполнении желаний своего родителя. Если отец увидит, что мимо проходит дряхлый старик или женщина, которых ведет ребенок, он привлечет внимание своих собственных детей к этому объекту, сказав: “Какой это, должно быть, хороший ребенок, который уделяет такое внимание престарелым! Этот ребенок действительно с нетерпением ждет того времени, когда состарится!” или он скажет: “Пусть Великий Дух, вззирающий на него, дарует этому *хорошему* ребенку долгую жизнь!”

“При таком способе воспитания детей родителям, как я уже сказал, помогает все сообщество. Если ребенка отправят из дома его отца отнести блюдо с едой пожилому человеку, все в доме вместе назовут его *хорошим* ребенком. Они спросят, чей это ребенок, и, услышав ответ, воскликнут: “какой!” “неужели у *Черепахи* или у *Медвежонка* (возможно, так зовут отца) такой *хороший* ребенок?” Если увидят, как ребенок идет по улицам, ведя за собой дряхлого старика, жители деревни, услышав это, и чтобы побудить всех других детей, которые могут присутствовать, брать с него пример, призовут друг друга посмотреть и увидеть, каким *хорошим* должен быть этот ребенок. И поэтому в большинстве случаев к этому методу прибегают с целью научить детей тому, что само по себе хорошо, пристойно или благородно; в то время как, с другой стороны, когда ребенок совершает *плохой* поступок, родитель скажет ему: ‘О! как я огорчен тем, что мой ребенок совершил этот плохой поступок! Я надеюсь, что он никогда больше этого не сделает’. Как правило, это действенно, особенно если сказано в присутствии других. Весь индийский план воспитания направлен на то, чтобы возвышать, а не угнетать ум, и тем самым готовить решительных охотников и бесстрашных воинов.

Таким образом, когда мальчик убивает свою первую дичь, например оленя или медведя, родители, у которых растут мальчики, не преминут сказать кому-нибудь в присутствии своих собственных детей: ‘Этот мальчик, должно быть, внимательно слушал пожилых охотников, потому что, несмотря на свой юный возраст, он уже доказал, что сам станет хорошим охотником’. С другой стороны, если молодой человек не сможет привести такого доказательства, о нем скажут: “что он не обращал внимания на речи пожилых людей”.

“Таким косвенным образом молодым людям дается обучение по всем предметам. Они должны учиться искусству охоты, ловли в капканы и ведения войны, слушая пожилых людей, беседующих друг с другом на эти темы; каждый, в свою очередь, рассказывает, как он действовал; и для этой цели им предоставляются возможности. Благодаря такому способу обучения молодежи сохраняется их уважение к пожилым людям, и оно усиливается осознанием того, что такое же уважение будет оказано им в будущем, когда молодые люди будут внимательны к тому, что им предстоит рассказать.

“Этот метод передачи инструкций, я полагаю, распространен среди большинства индейских народов; так, по крайней мере, среди всех тех, с которыми я познакомился, и закладывает основу для того добровольного подчинения своим вождям, которым они так примечательны. Так веками, без потрясений и гражданских раздоров, сохранялось это традиционное правление, другого примера которому мир, пожалуй, не может предложить; правление, в котором нет положительных законов, а только давно установившиеся привычки и обычаи; нет кодекса юриспруденции, но опыт прежних времен; нет магистратов, но советники, которым народ, тем не менее, охотно и безоговорочно повинует; в котором возраст дарует ранг, мудрость дает власть, а нравственная доброта обеспечивает право на всеобщее уважение. Все это, по-видимому, достигается простыми средствами превосходного воспитания, благодаря которому сильная привязанность к древним обычаям, уважение к возрасту и любовь к добродетели неизгладимо запечатлеваются в умах молодежи, так что эти впечатления приобретают силу с течением времени и по мере того, как они передаются из поколения в поколение”.

Что может служить более веским доказательством доктрины социалиста о том, что характер человека является результатом особого способа воспитания, которому он может быть подвергнут, чем откровенные заявления миссионера Хеквельдера? Роберт Оуэн и его ученики утверждают, что человек - создание обстоятельств; что качество его характера соответствует качеству ассоциаций, под влиянием которых он воспитывался. И в высказываниях служителя Евангелия мы находим достаточно доказательств истинности этих утверждений. О, если бы люди были достаточно мудры, чтобы понять преимущества, которые могут быть получены в результате правильного применения принципа, истинность которого, таким образом, подтверждается состоянием, характером и обучением аборигенов Америки!

Дополнительные сведения о Жестокости индейцев, их Гостеприимстве, их чувстве Справедливости и о том, как белые обращались с ними.

Много говорилось о жестокости североамериканских индейцев. Можно допустить, что они в некоторых случаях жестоки; но этому не нужно удивляться, когда мы рассматриваем зверства, которые белые учинили по отношению к ним. “Жестокость и страстное желание мести, - говорит Бьюкенен, - являются главными, если не единственными уродствами их натуры; и они почти никогда не проявляются, за исключением их открытой враждебности, причины которой в точности аналогичны тем, которые движут цивилизованными нациями. Тогда действительно их свирепость вырывается наружу с почти демонической яростью; их пленники обычно обречены на смерть; но только после того, как они подвергнутся самым изысканным пыткам, самой изощренной, невыразимой и продолжительной агонии, наносится последний удар. Однако эти зверские обычаи не свойственны нашим неграмотным индейцам. Металлический башмак и танкетка; винт для большого пальца; дыба; постепенные поджоги Смитфилда; религиозная резня кровавых пьемонтцев, которые сбросили мать с младенцем со скал; расчленение лошадьми; железная корона Луки; стальное ложе Дэмиена” и поцелуй Пресвятой Девы “в

достаточной степени подтверждают притязания просвещенного человека на превосходство в искусстве пыток”. [72]

Губернатор Клинтон в своем выступлении перед Нью-Йоркским обществом говорит, что “пять наций, несмотря на их ужасающую жестокость, в одном отношении имеют право на особую благодарность за проявление человечности; тех врагов, которых они пощадили в битве, они сделали свободными; тогда как для всех других варварских наций рабство было заменой смерти. Но не нам подобает, если мы ценим характер наших предков; не подобает цивилизованным нациям Европы, владевшим американскими владениями, выступать против безжалостного поведения дикарей. Его жажда крови была обострена европейским подстрекательством, а его алчность переходила на сторону жестокости при каждом искушении”. [73]

О жестокости индейцев и провокациях, которым они подвергаются со стороны белых, м—р Хеквелдер в своей 44-й главе приводит следующие наблюдения -

“Индейцы жестоки к своим врагам!— В некоторых случаях так оно и есть, но, возможно, не более, чем иногда проявляют себя белые люди. Были случаи, когда белые люди сдирали кожу с индейцев, попавших к ним в руки, затем дубили эти шкуры или разрезали их на куски, делали из них ремешки для бритв и вывозили на продажу, как это делалось в Питтсбурге или его окрестностях когда-то во время войны за независимость. Все это отвратительно в глазах индейцев, которые действительно, будучи сильно возбуждены, подвергают своих пленников пыткам и предают их смерти с помощью жестоких пыток, но никогда не бывают виновны в хладнокровных варварских актах. Точно так же делавары и некоторые другие индейские народы никогда и ни под каким видом не тревожат прах умерших.

“Обычай пытать заключенных имеет древнее происхождение и впервые был введен как испытание мужества. Однако мне говорили, что среди некоторых племен он никогда не был в употреблении; но следует добавить, что эти племена не дают пощады. Делавары обвиняют ирокезов в том, что они изобрели этот жестокий способ, и далее обвиняют их в поедании мяса своих пленников после окончания пыток. Как бы то ни было, в настоящее время известно лишь несколько случаев, когда заключенных казнили таким образом.

“Как ни редки сейчас эти варварские казни, у меня есть основания полагать, что они были бы еще реже, если бы были предприняты надлежащие усилия, чтобы отвратить индейцев от этого языческого обычая. Вместо этого, совершенно верно, что они были доведены до жестокости беспринципными белыми людьми, которые присоединились к их военным пирам и даже добавили варварства происходящему. Может ли быть более жестокий поступок, чем, снабдив этих дикарей, как их называют, орудиями войны и разрушения, дать им быка для заклания и жарения целиком, станцевать с ними боевой танец вокруг убитого животного, ударить его, заколоть, говоря при этом индейцам: ‘Бейте, закалывайте! так ты должен поступить со своим врагом!’ Затем они берут кусок мяса и разрывают его зубами: ‘Итак, вы должны съесть его плоть!’ и высасывают соки: ‘Таким образом, вы должны выпить его кровь’; и, наконец, пожирают его целиком, как волки пожирают тушу. Это то, что, как известно, было сделано некоторыми из тех индийских агентов, о которых я упоминал.

“Возможно ли это? читатель, естественно, воскликнет. Да! это возможно! и каждый индийский воин скажет вам, что это правда. Это дошло до меня из стольких заслуживающих доверия

источников, что *явынужден* в это поверить. Как можно теперь упрекать индейцев в актах жестокости, к которым их подстрекали те, кто выдавал себя за христиан и цивилизованных людей, но на самом деле был худшими дикарями, чем те, кого, без сомнения, они были готовы заклеить этим именем.

“Когда враждебные правительства отдают распоряжения использовать индейцев против своих врагов, они, конечно, не знают, что именно таким образом должны выполняться их приказы; но позвольте мне сказать им и любому другому правительству, которое снизойдет до использования этих вспомогательных сил, что это единственный способ, которым их подчиненные агенты будут и могут продолжать оказывать эффективную помощь. Индейцы не любят вмешиваться в чужие ссоры и не будут сражаться с энтузиазмом просто ради средств к существованию, которые они могут добывать более приятным образом охотой и другими своими обычными занятиями. Их страсти должны быть возбуждены, а это нелегко сделать, когда они сами не получили никакого вреда от тех, против кого им желательно сражаться. Взгляните же на отвратительный способ, к которому неизбежно следует прибегнуть — чтобы побудить их сделать что? — опустошить жилище мирного земледельца и убить его невинную жену и беспомощных детей! Я не могу продолжать эту тему дальше, хотя я далек от ее исчерпания. Я сказал достаточно, чтобы беспристрастный читатель мог решить, какой из двух классов людей, индейцы или белые, наиболее справедливо заслуживают эпитетов грубиянов, варваров и дикарями. Не мое дело предугадывать его решение”.

Не нужно удивляться жестокости индейцев, если принять во внимание провокации, которым они подвергались. Белые поселенцы обычно относятся к ним как к низшим, как к законной добыче, как к существам, достойным только того, чтобы их топтали и угнетали. Истинность этого утверждения убедительно подтверждается следующими выдержками. Мы цитируем их из "Очерков нравов и обычаев североамериканских индейцев" Бьюкенена; Исторического отчета Хеквелдера и Отчета о положении индейцев Верхней Канады, недавно опубликованного Обществом защиты аборигенов. Эти отрывки, как мы увидим, содержат повествование о событиях, более соответствующих характеру индейцев, чем характеру их белых угнетателей.

М-р Бьюкенен рассказывает: “Проезжая по реке Святого Лаврентия летом 1819 года, я остановил свой батто в таверне, где намеревался остаться на всю ночь. Там были две скво с корзинкой земляники на продажу, и я велел хозяйке таверны купить немного, чтобы я мог съесть их со сливками на ужин. Однако вскоре из разговоров на переговорах стало ясно, что моя квартирная хозяйка и индианки не могут прийти к соглашению. В поведении первого, казалось, было много резкости; но ответы вторых были такими кроткими, а их поведение таким покорным, что, если бы я заключал сделку под впечатлением своих чувств, потребовалось бы немного слов. Покупательница-христианка, однако, продолжала предъявлять такие грабительские требования, что бедные разочарованные язычники отвернулись от нее. Должно быть, леди была поистине неразумна, ибо поблизости не было ни деревни, ни другого дома, которые могли бы стать рынком сбыта для бедных индийских лоточников, которые, казалось, пришли в эту самую таверну в надежде продать свои фрукты. Под таким впечатлением я последовал за бедными женщинами, сунул небольшую сумму в руки одной из них и поспешно прошел дальше, в то время как они смотрели на меня с удивлением от столь неожиданной *щедлости*, ибо так им казалось. Вернувшись с прогулки вдоль реки, я был удивлен, увидев двух индианок, терпеливо

ожидающих меня на углу дома; когда, с глазами, сверкающими от эмоций, которые я не мог неправильно понять, но которые я не в состоянии передать, они преподнесли мне миску, доверху наполненную собранной клубникой, которую я сначала отверг, желая убедить их, что есть несколько, если не много, белых мужчин, которые хорошо к ним относятся. Но их мольба была такой неистовой, их назойливость такой большой, что я счел необходимым для их счастья принять подарок, ибо у них не было другого способа выразить свою благодарность. Это скромное подношение стало моим ужином, и моя трапеза действительно была бы сладкой, если бы к моему удовольствию не примешивалось сочувствие к этим жестоко обиженным, гонимым, одиноким, покинутым людям. Я настолько впечатлен их незаслуженным несчастьем и благородством их характера, что я должен был бы почитать посвящение моей жизни их делу самым благородным способом, которым это можно было бы использовать; но, увы, годы и обстоятельства мешают мне сделать больше, чем эту слабую попытку пробудить энергию юных талантов в их пользу; и поскольку доброжелательность проникает в юношеский разум сильнее, чем в пожилой, я не теряю надежды, что тысячи людей все же встанут на защиту краснокожих индейцев и предпримут меры по улучшению их положения. об их состоянии.

Приведенный выше пример отсутствия милосердия, более того, элементарной порядочности со стороны белых людей в их общении с индейцами, ни в коем случае не является редким явлением. Мой читатель, должно быть, уже знаком с жалобами и трогательными призывами к правосудию, с которыми бедные дети дикой природы так часто вынуждены обращаться из-за предательства своих цивилизованных соседей; и мне жаль добавлять еще один пример к длинному списку этих чудовищных нарушений, которые, проявляясь в крупных и мелких нападениях, с каждым днем разрастаются и становятся все более и более масштабными. Мимоходом, в тот самый день, о котором я только что дал объявление на Тысяче островов, один из лодочников, которые везли меня на веслах, окликнул каноэ, в котором несколько индейцев ловили рыбу, которые немедленно подошли к нам, и между ними и лодочниками начался обмен. Лодочники протянули им кусок холодной свинины и буханку хлеба, за которые они должны были получить рыбу. Бедные молодые индейцы (ибо старшей было не больше четырнадцати, а еще были две девочки помладше) показали, какую рыбу они хотели бы угостить, но осторожно держались на расстоянии, опасаясь того, что, несмотря на их предосторожности, произошло на самом деле. Лодочники внезапно ударили по каноэ веслами и в суматохе, вызванной этим нападением, схватили рыбу; едва ли нужно говорить, что от хлеба и свинины, которые они сначала предложили, отказались. Добившись успеха в этом благородном предприятии, они кричали и атаковали несопротивляющихся и беззащитных детей (которые уплыли, очевидно, опасаясь дальнейшего возмущения) с насмешками. Эти люди были канадцами; их было четверо; и у меня не было другого способа наказать их в данном случае, кроме как удержанием обычного денежного вознаграждения. В какой-то мере я был в их власти; но, хотя я был вынужден спокойно наблюдать за столь подлой кражей, признаюсь, я был еще больше разгневан, увидев, как искренне некоторые жители Канады, которые были моими попутчиками, казалось, наслаждались шуткой. Дело в том, что индейцы считаются законной добычей. Таковы чувства тысяч людей, называемых христианами, которые хвастаются цивилизацией, но добывают средства к существованию общением с индейцами; и как бы ни были справедливы многие в Соединенных Штатах и как бы ни заботилось британское правительство о защите прав краснокожих, все же, поскольку эта опека возложена главным образом на тех, кто участвует в добыче индейцев, забота, вместо того чтобы быть мудрой и милосердной, скорее состоит в том, чтобы развратить их неискушенный разум путем внедрения

среди них спиртных напитков. Каждая чашка для них действительно ‘не благословенна, а ингредиент - сущий дьявол’! Следовательно, постепенно они уменьшаются и удаляются от того, что мы называем *цивилизацией*! Я рад признать, что это обвинение распространяется не на всех и редко на *глав* этих департаментов; но все же эти главы департаментов несут ответственность за все действия своих подчиненных агентов и должны осуществлять бдительный надзор, беспристрастно наказывая за любое, малейшее нарушение своих инструкций. Ни один человек, прямо или косвенно заинтересованный в торговле с индийцами, не должен быть связан с министерством по делам Индии”.

Следующие факты, почерпнутые из исторического отчета Хеквелдера, говорят о многом. Вечный Бог, неужели белые люди могут быть такими жестокими! Могут ли профессора религии быть такими развращенными!!

“Летом 1763 года несколько дружелюбных индейцев из далеких мест приехали в Вифлеем, чтобы обменять свои шкуры на промышленные товары и необходимые орудия земледелия. Вернувшись домой вполне довольные, они провели первую ночь в таверне, расположенной в восьми милях отсюда. [74] Поскольку домовладельца не было дома, его жена взяла на себя смелость поощрять людей, которые часто посещали ее дом ради выпивки, оскорблять индейцев, добавив, что она бесплатно даст галлон рома любому из них, кто убьет одного из черных дьяволов. Ночью пришли другие белые люди из окрестностей, которые также много пили, производили много шума и усилили страх бедных индейцев, которые, в большинстве своем понимая английский, не могли не заподозрить, что против них замышляется что-то плохое. Однако в остальном их никто не беспокоил; но утром, когда после беспокойной ночи они готовились отправиться в путь, у них украли некоторые из самых ценных вещей, которые они купили, и, упомянув об этом мужчине, который, по-видимому, был хозяином бара, им приказали покинуть дом. Не желая терять так много имущества, они удалились на некоторое расстояние в лес, где некоторые из них остались с тем, что им осталось, остальные вернулись в Вифлеем и подали жалобу мировому судье. Судья передал им письмо к хозяину, в котором настоятельно требовал, чтобы он без промедления вернул индейцам отнятое у них добро. Но вот! когда они передали это письмо людям в гостинице, им сказали в ответ, ‘что если они хоть как-то дорожат своей жизнью, то должны немедленно покончить с собой’. Они прекрасно понимали, что у них нет другого выхода, и благоразумно удалились, не получив обратно ничего из своих товаров. Прибыв в Нескопек на реке Саскуэханна, они столкнулись с несколькими другими делаварами, с которыми обошлись примерно так же, у одного из них украли ружье. Здесь обе стороны согласились отомстить по-своему за те оскорбления и грабежи, за которые они не могли получить возмещения; и они решили сделать это, как только их нация снова объявит войну англичанам.

Едва эти индейцы удалились, как в другом месте, примерно в четырнадцать милях от первого, один мужчина, две женщины и ребенок, все тихие индейцы, были убиты самым жестоким и варварским образом пьяными офицерами милиции и их людьми с целью завладеть их лошадьми и товарами, которые они только что приобрели. [75] Одна из женщин, упав на колени, тщетно умоляла сохранить жизнь себе и своему ребенку, в то время как другая женщина, увидев, что происходит, убежала в амбар, где попыталась спрятаться на вершине зерна. Однако ее обнаружили и бесчеловечно швырнули на пол с такой силой, что у нее вылетели мозги.

“Итак, здесь были оскорбления, грабежи и убийства, все совершенные в течение короткого трехмесячного периода, без наказания. Не было никакой перспективы получить возмещение ущерба; поэтому выжившие были вынуждены искать какие-то другие способы отомстить. Они так и сделали; индейцы, и без того озлобленные против англичан вследствие неоднократных бесчинств и считающие нацию ответственной за ущерб, который она не предотвратила и не наказала и за который она даже не предложила никакого возмещения, наконец объявили войну; и тогда потерпевшие стороны были вольны сами загладить причиненный им ущерб. Они немедленно напали на объекты своей ненависти и, пробравшись незамеченными к гостинице, которая была местом первого бесчинства, они напали на нее на рассвете, открыв огонь по находящимся внутри людям, которые лежали на своих кроватях. Странно рассказывать! среди них были убийцы мужчины, двух женщин и ребенка. Они были смертельно ранены и вскоре скончались от полученных ран. Индейцы, покинув этот дом, случайно убили ни в чем не повинную семью, перепутав дом, на который они намеревались напасть, после чего вернулись в свои дома.

“Теперь против индейцев был поднят яростный шум; не было слишком плохого языка, не было слишком черных преступлений, чтобы заклеить их. Этим дикарям нельзя было доверять; договоры с ними не имели никакой силы; их следовало стереть с лица земли! Такой язык был у всех на устах; газеты были полны рассказов о жестокостях индейцев; распространялись различные ложные сообщения, чтобы настроить людей против них; в то время как они, действительно пострадавшая сторона, *укоторой не было печатных станков, не могли обнародовать историю своих обид.*

“Нельзя верить тому, что индейцы обещают при заключении договоров; ибо едва заключается договор, как они убивают нас’. Такова наша жалоба на этих несчастных людей; но они скажут вам, что не следует доверять белым людям. Они скажут вам, что нет ни единого случая, когда белые не нарушили бы обязательств, взятых ими на международных договорах. Они говорят, что когда они уступили земли белым людям и были установлены пограничные линии, ‘твердо установленные’, за пределами которых белые не должны были селиться; едва был подписан договор, как белые пришельцы снова поселились и охотились на их землях! Это правда, что когда они обратились со своими жалобами к правительству, правительство дало им много честных обещаний и заверило их, что будут посланы люди, чтобы силой изгнать незваных гостей с захваченных земель. Мужчины действительно пришли, но с цепью и компасом в руках, производя съемку участков хорошей земли, на которые им указали незваные гости, исходя из их знания местности!

Что же было тогда делать, когда эти незваные гости не уходили с суши, а, наоборот, увеличивались в количестве! ‘О!’ говорили эти люди (и я сам часто слышал этот язык в западных странах). ‘новый договор скоро отдаст нам всю эту землю; теперь не нужно ничего, кроме предлога, чтобы затеять с ними ссору!’ Хорошо, но каким образом можно вызвать эту ссору? Дэвид Оуэн, Уокер и многие другие, будь они живы, могли бы легко ответить на этот вопрос. Однако прецедент можно найти, прочитав приложение мистера Джефферсона к его заметкам о Вирджинии. Во всех случаях, когда целью является убийство индейцев, главным необходимым средством является крепкий алкоголь; ибо, когда вы напоите их мертвецки, вы можете поступать с ними, как вам заблагорассудится, не рискуя лишиться жизни. И если вы

обнаружите, что законы вашей страны могут коснуться вас там, где вы находитесь, вам остается только сбежать или спрятаться на некоторое время, пока буря не утихнет! Я хорошо помню время, когда воры и убийцы индейцев бежали от неминуемого наказания через Саскуэханну, где они считали себя в безопасности; по этой причине эта река получила название "*река негодаев*". Я слышал, что другие реки назывались похожими названиями.

“В 1742 году преподобный мистер Уайтфилд предложил поместье Назарет (как оно тогда называлось) на продажу Объединенным братьям. Он уже начал строить на нем просторный каменный дом, предназначенный в качестве школы для обучения индийских детей. Индейцы тем временем громко возмущались тем, что белые люди поселились в этой части страны, которая не была куплена у них законным путем, а, по их словам, была получена обманом. [76] Братья отказались от покупки каких-либо земель, на которых индейский титул не был должным образом аннулирован, желая жить в мире со всеми окружающими их индейцами. Графу Зинзендорфу случилось в это время прибыть в страну; он обнаружил, что агенты владельцев не захотели платить индейцам цену, которую они запросили за этот участок земли; он выплатил им из своего личного кошелька все требования, которые они предъявили в разгар своего дурного настроения; и более того, разрешил им оставаться на земле, в их деревне (где, кстати, у них был прекрасный большой персиковый сад), столько, сколько они сочтут нужным. Но среди тех белых людей, которые впоследствии пришли и поселились по соседству с их участком, были и такие, кто был врагами индейцев; и молодой ирландец без всякой причины убил их доброго и высокоуважаемого вождя, *Тадеми*, человека столь непринужденного и дружелюбного обращения, что его не могли не любить все, кто его знал. Это, наряду с угрозами других лиц, недоброжелательно настроенных по отношению к ним, стало причиной того, что они покинули поселение в этом поместье и переехали в более безопасные места.

“Это правда, что, когда происходили вопиющие случаи такого рода, правительство до революции выпускало прокламации, предлагающие вознаграждение за поимку преступников; а в более поздние времена, поскольку страна стала более густонаселенной, те, кто был виновен в подобных преступлениях, предстали перед трибуналами для рассмотрения их дел. Но эти формальности оказались малоэффективными. В первом случае преступников редко задерживали, если вообще когда-либо задерживали; во втором - не удавалось найти присяжных, которые осудили бы их; ибо среди многих людей, из которых обычно состояли присяжные в пограничных графствах, не было ничего необычного в том, что ни один человек не должен быть приговорен к смерти за убийство индейца; ибо это было то же самое, что убить дикого зверя!

“В ходе войны за независимость, в которой (как и во всех гражданских беспорядках) брат сражался против брата и друг против друга; отряд индейских воинов, с которыми один из тех белых людей, которые под видом привязанности к своему королю совершали всевозможные преступления, выступил против поселенцев на реке Огайо, чтобы убивать и разрушать, как им было приказано. Начальник экспедиции отдал строгий приказ не приставать ни к кому из белых людей, которые жили со своими друзьями, индейцами-христианами; однако, когда они проезжали мимо поселения этих новообращенных, белый человек, не обращая внимания на полученные им приказы, попытался застрелить двух миссионеров, которые сажали картофель на своем поле, и хотя капитан предупредил его, чтобы он воздержался, он все равно упрямо продолжал свою попытку. Вождь в гневе немедленно отобрал у него ружье и держал его под охраной до тех пор, пока они не удалились на значительное расстояние от этого места. Я

получил этот отчет от самого вождя, который по возвращении сообщил миссионерам, что им лучше не уезжать далеко от дома, поскольку они находятся в слишком большой опасности со стороны *белых людей*.

Другой белый человек того же описания, которого я хорошо знал, рассказывал с каким-то варварским ликованием по возвращении в Детройт из военного похода с индейцами, в котором он участвовал, что отряд, в котором он был, взяв в плен женщину, у которой был грудной младенец, он пытался убедить индейцев убить ребенка, чтобы его крики не распространились по месту, где они находились; индейцы не желали совершать это деяние, на что белый человек сразу же вскочил, вырвал ребенка из рук матери и, схватив его за руку, приказал убить его. лапы ударили его головой о дерево, так что мозги разлетелись во все стороны! Монстр, рассказывая эту историю, сказал: "маленькая собачка все время *писала!*" Он добавил, что если бы он был уверен, что его старый отец, который некоторое время назад умер в Старой Виргинии, если бы прожил дольше, стал бы мятежником, он бы отправился в Виргинию, поднял тело и снял с него скальп!

Давайте теперь сравним с этим поведение индейцев. Карвер рассказывает нам в своих путешествиях, с какой умеренностью, человечностью и деликатностью они обращаются с женщинами-заключенными, и особенно с беременными женщинами. [77] Я отсылаю читателя к следующему факту, как к примеру их поведения в подобных случаях. Если его восхищение вызвано поведением индейцев, я не сомневаюсь, что его возмущение будет в равной степени вызвано поведением белого человека, который, к сожалению, играет определенную роль в этой истории.

“Отряд делаваров во время одной из своих вылазок во время войны за независимость взял в плен белую женщину. Индейский вождь после нескольких дней перехода заметил, что она больна, и вскоре убедился (поскольку она была на позднем сроке беременности), что время ее родов близко. Он немедленно сделал привал на берегу ручья, где, *на должном расстоянии от лагеря*, построил для нее тесную хижину из очищенной коры, собрал сухой травы и папоротника, чтобы сделать ей постель, и постелил одеяло у входа в жилище вместо двери. Затем он разожег костер, положил рядом с ним охапку дров, чтобы время от времени подкармливать его, и поставил под рукой чайник с водой, чтобы она могла легко им воспользоваться. Затем он отвел ее в ее маленький лазарет, дал ей индийские лекарства с инструкциями по их применению и сказал, чтобы она отдыхала спокойно, и она могла быть уверена, что ее ничто не потревожит. Сделав это, он вернулся к своим людям, запретил им шуметь или каким-либо образом беспокоить больную женщину и сказал им, что он сам будет охранять ее ночью. Он так и сделал; и всю ночь караулил у ее двери, расхаживая взад и вперед, чтобы быть готовым по ее зову в любой момент, в случае крайней необходимости. Ночь прошла спокойно; но утром, когда он проходил мимо по берегу ручья, увидев его сквозь расщелины, она окликнула его и представила своего младенца. Добрый вождь со слезами на глазах радовался ее благополучным родам; он сказал ей, чтобы она не беспокоилась, что он пролежит рядом несколько дней и скоро принесет ей питательной пищи и какие-нибудь лекарства. Затем, отправившись в свой лагерь, он приказал всем своим людям отправиться на охоту, а сам остался охранять лагерь”.

После цитирования этого рассказа современный писатель замечает: “Прости меня, читатель, если на мгновение я нарушу порядок изложения моих отрывков. Во всем объеме анекдотической истории я не знаю ничего более трогательного, чем настоящее повествование.

Какой возвышенной была человечность этого индейского вождя! какой утонченной была его деликатность! как внимательна и нежна его забота! Пафос, хотя и глубокий, приятен; и мистер Хеквелдер передал историю с чувством и простотой, достойными ее. Он сделал нас свидетелями сделки. Сквозь ночную тьму мы видим смуглого воина, беспокойно расхаживающего взад-вперед перед хижинкой из коры — ‘маленьким лазаретом’ роженицы. Наступает утро; и в бледном рассвете, смотрите! бедное создание, указывающее в состоянии крайнего изнеможения на своего младенца, рожденного в пустыне — ночью и одиночестве! И все же она не была совсем без поддержки, ибо, помимо тайной помощи, которая приходила к ее мукам свыше, смотрите! она встречает сочувствие в дикаре, незнакомце, воине, который расплакался при виде этого! Мое сердце тоже переполняется, когда я читаю. Потерпите немного - мы возобновим нашу выписку”.

Теперь обратная сторона картины. Среди людей, которыми командовал этот вождь, был один из тех белых бродяг, которых я описал ранее. Капитан очень боялся его, зная, что он плохой человек; и поскольку он выразил большое желание отправиться на охоту вместе с остальными, он поверил, что он ушел, и не испытывал никаких опасений за безопасность женщины. Но прошло совсем немного времени, прежде чем он перестал обманываться. Когда он отошел на небольшое расстояние, чтобы выкопать коренья для своей бедной пациентки, он услышал ее крики и, быстро подбежав к ее хижине, она сообщила ему, что белый человек пригрозил лишить ее жизни, если она немедленно не выбросит своего ребенка в реку. Капитан, разгневанный жестокостью этого человека и вольностью, которую он позволил себе по отношению к своим пленникам, окликнул его, когда он убегал, и сказал ему, ‘что в тот момент, когда он хватится ребенка, томагавк должен быть у него в голове’. Через несколько дней этот гуманный вождь осторожно посадил женщину на лошадь, и они вместе отправились к месту назначения, мать и ребенок чувствовали себя хорошо. Я слышал, как он рассказывал эту историю, к которой он добавил, что всякий раз, когда ему предстояло отправиться на экскурсию, он никогда не допустил бы, чтобы белый человек был в его компании.

И все же я должен признать, что знал индейского вождя, который был виновен в убийстве ребенка заключенной женщины. Его звали Гликхикан. В 1770 году он присоединился к конгрегации индийских христиан; подробности его обращения подробно описаны Лоскиэлем в его "Истории миссий". [78] До этого времени он был замечен как воин и советник, а в ораторском искусстве, как говорят, его никто не превзошел. Этот человек присоединился к французам в 1754 или 1755 году в их войне против англичан и, находясь в то время с отрядом французов, взял в плен среди прочих молодую женщину по имени Рейчел Эббот из поселения Конегочег, у которой был грудной младенец. Непрекращающиеся крики ребенка, стремление поскорее слезть, но прежде всего уговоры его белых товарищей сильно отбили у него охоту убивать невинное создание, в то время как мать в агонии горя, с лицом, залитым слезами, умоляла сохранить ей жизнь. Женщину, однако, благополучно доставили в Огайо, где с ней по-доброму обошлись и удочерили, а несколько лет спустя она вышла замуж за респектабельного вождя племени Делавер, от которого у нее родилось несколько детей, которые сейчас живут с индейцами-христианами в Верхней Канаде.

“Гликхикан так и не простил себя за то, что совершил это преступление, хотя много раз, задолго до того, как стать христианином, он со слезами на глазах просил прощения у женщины и получил ее свободное и полное прощение. Напрасно она указывала ему на все обстоятельства, которые он мог бы использовать, чтобы оправдать этот поступок; напрасно она напоминала ему

о его нежелании в то время и о том, что его каким-то образом вынудили сделать это его французские партнеры; ничто из того, что она говорила, не могло смягчить его печаль или утихомирить смятение его ума; он называл себя негодяем, чудовищем, *трусом* (гордые чувства индейца должны быть хорошо поняты, чтобы судить о силе этого самообвинения), и до момента его смерти воспоминание о нем не покидало его. воспоминание об этом роковом поступке, подобно язвенному червю, терзало его душу. Я должен добавить, что со времени своего обращения он жил жизнью христианина и умер как таковой”.

В “Отчете о положении индейцев Верхней Канады”, опубликованном Обществом защиты аборигенов, мы находим следующие заявления о попытках их цивилизовать: —

“Важным дополнительным фактом в отношении того, в каком свете когда-то смотрели на индейцев Северной Америки, является то, что их права закреплены в Утрехтском договоре. Но, с другой стороны, современные авторы о законах наций, похоже, склонны исключать их из числа его преимуществ. И современные государственные деятели развивают эту теорию дальше, чтобы принести их в жертву позитивной несправедливости на практике. Сэр Фрэнсис Бонд Хед рекомендовал прекратить выплаты, причитающиеся по договору определенным племенам, на том основании, что эти племена находятся в состоянии войны с нашими нынешними союзниками, народом Соединенных Штатов; вопрос, несомненно, заслуживающий серьезного рассмотрения, всвязи с особо поднятым вопросом, а именно, поставками оружия; но который также включает вопрос о международных правах, в данном случае слишком кратко разрешенный канадским губернатором. Лорд Гленелг колебался, принять ли его рекомендацию, но его светлость, похоже, не придерживался полностью справедливого взгляда на это дело. [79]

“Строго в пределах истины можно сказать, что ни правительство Метрополии, ни колониальные власти не выполнили предписаний этих двух документов 1670 и 1763 годов, которые, несомненно, имеют обязательную силу по сей день; и степень, в которой этими предписаниями пренебрегали, полностью объясняет нам гибель индейцев. Эта степень доказана,

“Во—первых, из-за несправедливости и непредусмотрительности, с которой мы обращались с землей индейцев, из-за отсутствия у них права собственности и их фактического изгнания с нее в недавних замечательных случаях по деспотичному и мошенническому договору и по несправедливым контрактам.

Во—вторых, пренебрежением очевидными средствами обеспечения справедливости в отношении индейцев в судах общей юрисдикции, их участием в защите гражданских прав; и справедливыми правилами торговли с ними. И

В—третьих, путем предоставления небольших прямых средств для улучшения положения индейцев в миссиях, школах и других учреждениях.

“Несомненно, различные льготы, предусмотренные королевскими инструкциями 1670 года, не были предоставлены: а мошенничества и злоупотребления, упомянутые в прокламации 1760 года, повторялись вплоть до очень позднего периода самим правительством, вместо того чтобы быть подавленными.

Мы докажем недостойность такого пренебрежительного отношения и несправедливости, представив неопровержимые доказательства способности индейцев стать цивилизованными и

их желания принять элементы цивилизации из наших рук, а также постепенно присоединиться к колонистам.

“Мы также покажем, что многочисленные колонисты стремятся продвигать цивилизацию индейцев”.

Неправомерное приобретение земель индейцев и посягательства на них не новы; и личные обращения их делегатов к короне были частыми. Более тридцати лет назад у такого делегата, Джона Нортон, было лицо покойного мистера Уилберфорса. [80] В 1822 году младший Брант и полковник Керр прибыли в Лондон с такой миссией для шести наций. Впоследствии преподобный Питер Джонс не раз приезжал к Миссиссага из river Credit с аналогичным поручением. И визит Хештона-кета показал, что индейцы реки Сент-Клер находятся в такой же опасности.

Можно было бы привести и другие примеры, но считается, что ни один из них не дал должных результатов. Случай, однако, с индейцами племени ривер Кредит, имеет некоторые благоприятные аспекты; и он будет упомянут полностью.

Но эти визиты представили индейцев беспристрастной английской публике в самом благоприятном свете; и в этом отношении, а также в некоторых других, которые будут упомянуты ниже, они заслуживают особого внимания.

Мы пропускаем более ранние случаи отчуждения земли у индейцев Верхней Канады, составившие, например, в 1818, 1819 и 1820 годах 4 680 000 акров, приобретенных правительством за 512 фунтов стерлингов в годовую ренту. [81]

Сумма, ежегодно причитающаяся этим индейцам от короны за приобретенные у них земли, была указана в “Парламентских документах” 1834 года в размере 5106 фунтов стерлингов, или 4426 фунтов стерлингов стерлингов. [82]

Эти более ранние случаи, по-видимому, более примечательны общим пренебрежением надлежащей системой обращения с индейцами, чем каким-либо крайним притеснением и несправедливостью в заключенных сделках. Они не предполагали ВЫСЕЛЕНИЯ индейцев с проданной невозделанной земли и тем более отчуждения их улучшений и форм. Напротив, в 1823 году государственный секретарь того времени граф Батерст очень серьезно рассматривал общую реформу старой системы. Один из членов Подкомитета фактически был нанят государственным секретарем в 1823 году для разработки общего плана этой реформы, который был одобрен покойным епископом Квебека почетным доктором Стюартом. Но это не было предпринято.

Однако еще до 1828 года правительство начало реформу в дополнение к тому, что долгое время с пользой делали Моравская компания, Новоанглийская компания и другие общества. Этот план осуществлялся в течение восьми или девяти лет с большим успехом, хотя в нескольких существенных моментах он был несовершенен.

О характере того, что было достигнуто, можно судить по следующим выдержкам из парламентских документов 1834 года, № 617.

В 1828 году генерал Дарлинг доложил графу Далхаузи следующее по этому вопросу:

Миссиссаки Райс-Лейк, насчитывающие 317 душ, и могавки Бэй-оф-Квинти и Райс-Лейк недавно были обращены в христианство методистским обществом, которое внедрило миссионеров среди индейцев здесь и во всех частях Верхней Канады, где они смогли обосноваться. Эти миссионеры приезжают в основном из Соединенных Штатов и принадлежат к “Миссионерскому обществу Канадской конференции”, вспомогательному учреждению “Миссионерского общества методистской епископальной церкви штата Нью-Йорк”, от которого они получают небольшую зарплату, редко превышающую 40 фунтов стерлингов в год. Несомненно, что они сделали кое-что хорошее, убедив индейцев принять христианство, и привили первые принципы цивилизации, особенно рассматриваемым племенам, что проявляется в их желании собраться в деревне и иметь выделенные им земли для обработки.

Могавки залива Куинти были отделены от народа ирокезов примерно в 1784 году и поселились в заливе Куинти; среди них есть те, кто становится сносными фермерами. Во многих случаях они надевали европейскую одежду, которая иногда смешивалась с их местным одеянием, представляя собой любопытную смесь варварства и цивилизации.

Чиппава подчинялись Главной Желтой голове. Численность этих индейцев составляет в среднем 550 душ; они занимают земли вокруг озера Симко, реки Холланд и незаселенного графства в тылу Йорка. Они выразили сильное желание быть принятыми в христианство и перенять привычки цивилизованной жизни; в этом отношении их можно поставить в один ряд с миссиссаками залива Куинти и озера Райс, но в настоящее время они находятся в более диком состоянии.

Заслуга Миссиссаки. Нынешнее состояние этого племени, насчитывающего 180 душ, которые в последнее время были печально известны пьянством и развратом, дает, по моему скромному мнению, сильнейший стимул распространить на другие племена, ныне склонные к христианству и цивилизации, эксперимент, который был опробован его превосходительством сэром Перегрином Мейтлендом, со всеми надеждами на успех с этими миссиссаками.

Сейчас они поселились в восхитительном местечке на берегу реки Креди, примерно в шестнадцати милях от Йорка, в деревне, состоящей из двадцати добротных бревенчатых хижин размером восемнадцать футов на двадцать четыре, с верхним этажом или мансардой в каждой. У них есть школа для мальчиков (в которой есть все необходимое для совершения богослужения, которое регулярно посещают) и еще одна для девочек.

Прогресс, достигнутый в первом случае, делает большую честь суперинтенданту, учитывая короткий срок его создания. Я обнаружил, что на нем присутствовал тридцать один мальчик, в основном совсем юный, который бегло писал по-английски; они также ответили на несколько вопросов, которые я неразборчиво задал им из церковного катехизиса, и исполнили гимн, замечательный по верности своих чувств. Обнаружив, что построенных для них домов слишком мало для их численности, они добавили несколько собственных построек, похожих на те, что были возведены первыми.

У них есть два огороженных участка площадью около семи акров пшеницы и поле на берегу реки, на котором около тридцати пяти акров индийской кукурузы в многообещающем состоянии. К каждому дому пристроен небольшой участок для выращивания картофеля или другого огородного хлама.

Стоимость этих зданий, по-моему, не превысила 14 фунтов стерлингов в валюте за каждое, скажем, 250 фунтов стерлингов в целом. Респектабельный англичанин, ныне методистский миссионер, получающий пенсию от британского правительства за потерю руки во время последней войны, когда он служил в провинциальной морской пехоте Верхней Канады, проживает среди этих индейцев, и поскольку его чувства к Великобритании подверглись серьезному испытанию, есть все основания надеяться, что его усилия во имя совершенной цивилизации его паствы увенчаются успехом.

Ирокезы и шесть наций. Менее 2000 душ поселено на берегах Уз, или Гранд-Ривер, прекрасного и плодородного участка местности, который был куплен у чиппава (аборигенов) исключительно у них, когда они были привезены в эту страну с реки Мохок в штате Нью-Йорк по окончании войны за независимость США.

В заявлении сэра Ф. Холдиманда, которое, я полагаю, является их единственным названием, им присваивается “глубина в шесть миль с каждой стороны реки, начинающаяся у озера Эри и простирающаяся в той же пропорции до истока реки”.

Сейчас считается, что они сохранили за собой около 260 000 акров земли, в основном самого высокого качества. Их владения раньше были более обширными, но большие участки земли были проданы ими с разрешения правительства его величества; денежные средства, вырученные от продажи, были либо основаны в Англии, либо ссужены под проценты в этой стране. Выручка составляет около 1500 фунтов стерлингов в год.

Главная деревня, или замок Могавков, как ее еще называют, состоит сейчас из полудюжины жалких хижин, разбросанных без всякого порядка, и жалкой церкви.

Раньше город был более респектабельным; но растущая нехватка топлива в его окрестностях и прекрасное качество почвы побудили их постепенно отделиться и поселиться на берегу реки, где они обрабатывали землю компаниями или бандами, определенное количество семей делило между собой урожай с определенного количества акров. Их познания в сельском хозяйстве чрезвычайно ограничены и в основном сводятся к выращиванию индийской кукурузы, бобов и картофеля; но те, кто более трудолюбив, следуют примеру своих белых соседей и имеют отдельные фермы, на которых выращивают большинство видов английского зерна.

Если бы я предложил вашей светлости все наблюдения, которые кажутся мне заслуживающими внимания относительно этих древних союзников его величества, этот отчет приобрел бы характер истории и намного превысил бы ожидаемые пределы. Поэтому я спешу представить отчет, который был составлен с большим вниманием, с указанием их нынешнего имущества в виде домов, лошадей, крупного рогатого скота и т.д., а именно.

Жилые дома	416
Расчетное количество обрабатываемых акров земли	6872
Лошади	738
Коровы	869
быков	613
Овец	192

Я уже упоминал о появлении методистских миссионеров и учителей среди индейцев Верхней Канады, некоторые из которых проживают по соседству.

Есть также английский протестантский миссионер, недавно присланный из Лондона корпорацией "Новая Англия", молодой человек, чье рвение и преданность делу, за которое он взялся, обещают наилучшие результаты: индийцы во всех случаях отдают предпочтение тому, что дано или рекомендовано их великим отцом, всему, что приходит из других источников. Искренне желая воспользоваться трудами этого министра и помочь ему, они с готовностью согласились, по моей рекомендации, выделить по сто акров земли каждой школе, которая может быть основана на Гранд-Ривер под его руководством.

Я утверждаю, со всем уважением, что либеральность британского правительства не достойна поощрения склонности, которая в настоящее время в целом проявляется среди проживающих в провинции индейцев, к отказу от грубых привычек дикой жизни и принятию христианства и цивилизации.

Мне кажется, что это не потребует больших затрат. Небольшая сумма в качестве жалованья школьному учителю, где бы ни была открыта школа, скажем, четырем или пяти в целом, незначительная добавка к жалованью нынешнего миссионера, которому платит общество, и второго, если его назначат, что, я полагаю, предусмотрено господом епископом епархии; и некоторая помощь в строительстве школьных зданий.

Есть чиппава, которые настоятельно молились о том, чтобы к ним послали миссионера и школьного учителя.

О попытках цивилизовать американских индейцев.

Индейцы Америки имеют очень мало обязательств перед белыми людьми, которые поселились среди них. Последние пытались истребить первых и путем насилия или обмана завладеть их территориями. Они вырезали большую часть американских аборигенов в открытой войне, пытались поработить остальных и так быстро размножались и так регулярно распространялись по всему трансатлантическому миру, что сделали индейский способ добывания средств к существованию чрезвычайно ненадежным. "В то время как сокращение их запасов, - отмечает автор в "Эдинбург Ревью", - таким образом, сеяло семена упадка, уроки, которые они извлекли из своих новых соседей, пьянство и другие излишества, а также несколько болезней, которые они завезли, имели тенденцию ускорять их полное вымирание. Действительно, казалось совершенно очевидным, что если бы индейцы, подражая белым, не усвоили новые привычки и занятия, их раса через несколько лет была бы полностью уничтожена".

"Исходя из этих соображений, на европейских поселенцев легла обязанность, которую некоторые группы людей в Соединенных Штатах, по-видимому, считали чрезвычайно неотложной. Они были призваны внести свой вклад, насколько это было в их силах, в облегчение страданий, которые их собственное растущее процветание ежедневно причиняло первоначальным и законным владельцам страны. Они были призваны предотвратить, по возможности, полное вымирание расы, у которой их собственный прогресс в богатстве и численности постоянно лишал средств к существованию. Соответственно, с этой целью были

приняты различные планы, иногда правительством, иногда отдельными лицами и общественными организациями. Некоторым племенам, чья охота была уничтожена в результате вырубки лесов, были назначены пенсии. Такое облегчение, не сопровождавшееся никакими изменениями в их характере и привычках, было в лучшем случае лишь временным и, в конце концов, принесло скорее зло, чем пользу; ибо те же самые люди, которые выплачивали ежегодную ренту, научили индейцев пить и продолжали снабжать их спиртными напитками, перед искушениями которых у этих дикарей не хватало мужества устоять. Другим средством, принятым с несколько большей мудростью, было привлечение к работе среди них миссионеров с целью обращения и наставления их. Но этот план был сопряжен с одной радикальной ошибкой, а также был опрометчиво реализован. У индейцев была собственная религия, которой они были сильно привержены как наследию своих предков. Зло их положения заключалось не в ошибках их веры, а в их практике. Они могли быть обращены в христианство, не отказываясь от привычек охотничьего государства; и из этого никоим образом не следовало, что их возрастание в благодати должно сопровождаться соответствующим совершенствованием в искусстве обычной жизни. Однако миссионерская схема полностью зависела от религиозных соображений. Его целью было послать множество проповедников среди индейцев; проповедовать им не из-за их невежества и праздности, а из-за их теологических ошибок; обратить их не к жизни земледельцев и пастухов, но к знанию грядущей жизни. Добавьте к этому, что миссионеры, которых можно было найти в стране, столь мало склонной к чему-либо, кроме торговли и сельского хозяйства, как Америка, обязательно были фанатиками; людьми узких взглядов; невежественными, суеверными и злонамеренными; и, в делах этого мира, праздными. Они вообще не имели успеха. Они проповедовали Евангелие людям, уже удовлетворенным своим духовным состоянием и озабоченным только едой и одеждой; они презирали и нетерпимо отвергали все понятия, которые считались священными для людей, таких же предвзятых и фанатичных, как они сами; они рекомендовали трезвость как религиозный долг людям, чья прежняя вера не запрещала употреблять крепкие напитки, и все вкусы которых указывают на телесное опьянение как на большее благословение, чем священный восторг их новых наставников. Таким образом, миссионеры всегда ссорились со своими стадами и обращали лишь немногих; ни среди них не было никаких реальных улучшений.

“Обучение индейцев в школах европейцев, обосновавшихся в больших городах, было другим методом, который был принят с той же целью и не с большим успехом. Получив частично образование и в целом познав пороки цивилизованной жизни, эти ученики возвращались к своим обнаженным и охотящимся собратьям, по развращенности самым распутным и по необходимости самым праздным членам индейской общины. В лесу они нашли общество, к которому изначально принадлежали по крови, но к манерам и занятиям которого были совершенно неспособны из-за образования. Нам не нужно идти дальше, чтобы проиллюстрировать абсурдность этого плана прививания индейским племенам цивилизации, чем замечания человека, оказавшегося в таком затруднительном положении. Он получил образование в Принс-тауне; и когда один американский комендант, живший по соседству с его племенем, спросил его, почему его соотечественники продолжают вести столь извращенный образ жизни дикарей, он ответил: "Естественно, что мы идем по стопам наших предков; и когда вы, белые люди, пытаетесь сбить нас с этого пути, вы учите нас есть, пить, одеваться и писать, как вы, а затем отпускаете на свободу, заставляя просить милостыню, умирать с голоду или искать спасения в наших родных лесах, без альтернативы; и, изгнанные из вашего общества,

мы проклинаем вас за то, что вы сделали это". ты научил нас чувствовать и прибегаешь к излишествам, чтобы мы могли забыть тебя".

“Таковы были неизбежные последствия слабых и плохо спланированных попыток как правительства, так и других обществ цивилизовать индейцев, и мы начали отчаиваться когда-либо увидеть успех этого похвального предприятия. Люди, казалось, решили (как явствует из предыдущего утверждения, которым мы предваряем настоящую статью в качестве надлежащего введения) начать не с того конца и пренебречь единственным простым методом, с помощью которого эти дикие племена когда-либо могут быть освобождены от своего варварства или стать участниками, а не жертвами окружающей их цивилизации. К счастью, наши опасения оказались беспочвенными. Люди, называемые квакерами, общество во многих отношениях, безусловно, самое достойное и дружелюбное среди наших религиозных сект, по-видимому, решили проблему; и, уделяя пристальное внимание изложенным выше принципам, они, по-видимому, заложили очень прочный фундамент для быстрого развития цивилизации этих несчастных туземцев. Небольшой трактат, который сейчас перед нами, содержит простые, неприкрашенные подробности их доброжелательной и в высшей степени разумной деятельности. Первоначально он был напечатан в Филадельфии, а теперь переиздан в Лондоне. Мы надеемся, что оно будет встречено должным вниманием, поскольку это, по сути, одна из самых интересных публикаций, появившихся за последние годы. Сейчас мы представим нашим читателям краткий отчет о том, что сделали квакеры. Ареной их действий были индейцы Пяти народов, населяющих местность примерно в трехстах милях к северо-западу от Филадельфии; и у этих народов эксперименты, о которых сейчас пойдет речь, проводились на онейдах и сенеках.

“Квакеры, по-видимому, исходили из фундаментального предположения, что единственное средство цивилизовать эти племена и действительно сохранить их существование должно заключаться в хорошо спланированной попытке избавить их от опасной и праздной жизни охотников. Для этой цели они считали, что поселение среди них нескольких миссионеров было абсолютно необходимо. Но миссионеры, которых они выбирали, не были проповедниками; они были ремесленниками, плотниками, кузнецами и пахарями. Они также воображали, что очень небольшое количество таких людей, выбранных за их спокойное поведение и трудолюбивые регулярные привычки и отправленных поселиться среди индейцев без парада или помпы, принесут больше пользы, чем самый великолепный план колонизации с помощью самой многочисленной и богатой группы поселенцев. Example должен был стать их великим двигателем — а example, как они хорошо знали, работает медленно, постепенно и бесшумно.

“Руководствуясь этими принципами, они в настоящее время отвергли всякую идею обращения индейцев в христианство. Замечания комитета, заботе которого мы обязаны этой публикацией, особенно разумны и просвещенны по этому вопросу. ‘Вполне вероятно,’ замечают они, ‘что некоторые читатели могут счесть ущербной любую схему цивилизации, которая не пытается немедленно насадить христианство. О бесконечной ценности христианства наши пенсильванцы, несомненно, осведомлены; но здесь, хотя они и не играют непосредственно роли миссионеров, они проповедуют религию своим примером; и, вероятно, готовят индийцев не одним способом к принятию и признанию Евангелия’.

“Их первым шагом было обращение к различным племенам в 1796 году с циркулярными письмами, сопровождаемыми письмом от исполнительного правительства Соединенных

Штатов, выражающим его одобрение. Письма просто содержали предложение проинструктировать тех, кто должен относиться к ним, по вопросам ведения сельского хозяйства. Онейды были единственным племенем, которое сначала подало заявку; и соответственно трое квакеров отправились в свою страну и поселились там. Поначалу туземцы испытывали отвращение ко всякого рода труду, и квакеры обрабатывали только свою землю и сами строили лесопилку. Мало-помалу их пример возымел свое действие, и использование лесопилки стало привычным для племени. Зимой они открыли школу для детей, а летом обнаружили, что индейцы начинают помогать своим женам возделывать небольшие участки земли - труд, который раньше полностью возлагался на последних. Поскольку нехватка кузнеца ощущалась очень остро, квакер этой профессии вызвался поселиться там, и его жена сопровождала его, чтобы обучать индейских девушек. Несколько молодых людей были наняты квакерами, чтобы помогать им в работе. Дух труда и вкус к земледелию стали более преобладающими; кузнечному делу уделялось всеобщее внимание; женщины научились шить и прясть. Сельскохозяйственные орудия распределялись разумно и экономно. Они нашли себе применение, и в 1799 году туземцы начали расчищать земли для себя и сеять пшеницу.

“После того, как мы продвинулись так далеко в освобождении племени от состояния охоты и сопутствующих ему нищеты и безделья, произошел инцидент, который замечательным образом демонстрирует счастливую смесь рассудительности, с которой сторонники этого замечательного плана умили свое рвение. Белые из других сект не преминули распространить за границей истории, неблагоприятные для плана квакеров; и индейцы, от природы недоверчивые, как все дикари, начали подозревать, что эти предположения вполне обоснованы. Они знали, что труд квакеров, должно быть, стоил денег; и, поскольку они никогда прежде не видели примеров того, чтобы европейцы работали даром, они подозревали, что новые поселенцы намеревались основать постоянное учреждение, а затем предъявить права на их земли. Как только эта идея дошла до ушей квакеров, они решили немедленно удалиться и предоставить туземцам идти естественным путем совершенствования, извлекать пользу из цивилизации, которую они уже посеяли среди них. Таким образом, прожив там три года, они раскрыли свои намерения на национальном совете и покинули это место, сопровождаемые единодушной благодарностью и добрыми пожеланиями этих грубых племен. Впоследствии произошел аналогичный случай подозрения, и оно было развеяно с таким жерассудительностью. Индейцы другого племени, получив от них много благ, боялись, что когда-нибудь в будущем от них потребуют возврата долга. Быстрое и откровенное объяснение от людей, в честности которых у них никогда не было даже причин сомневаться, сразу развеяло эти опасения.

Наблюдения за тем, что было сделано среди онейд, побудили сенеков прислать приглашение с просьбой о подобной помощи от общества. Трое квакеров немедленно отправились туда: их встретили с великой радостью, и нация вознесла благодарность Великому Духу за их благополучное прибытие к ним. Здесь, как и в любом другом охотничьем племени, женщины и девочки заняты выращиванием овощей, которые дает их хозяйство, и рубкой древесины на топливо. Погоня и разного рода развлечения занимали мужчин и мальчиков. Квакеры постоянно призывали их отказаться от подобной практики и никогда не упускали случая представить им в самом ярком свете необходимость как общего трудолюбия, так и воздержания - добродетели, почти неизвестной среди индейцев в начале существования квакерских миссий. Прогресс в совершенствовании искусств и жизненных удобств постоянно шел в ногу с отказом от употребления спиртных напитков; а речи и другие благодарственные послания вождей

племени обществу и его эмиссарам неизменно свидетельствуют о состоянии нравственности, и особенно о трезвости среди туземцев. Приведенный выше план улучшений по отношению к Oneidas также применим к его истории у племени сенека. Но нас извинят за то, что мы извлекаем следующую речь, произнесенную квакерами перед этими индейцами на совете. По нашему мнению, это правильная модель правильной миссионерской проповеди. Мы также приведем ответ начальника: —

“Братья, проезжая через ваш город, мы с удовлетворением заметили признаки развития промышленности; то, что вы строите дома получше и теплее для жизни; и что большая часть вашей расчищенной земли засажена кукурузой, бобами, картофелем и т.д.; и видеть, что эти предметы содержатся в хорошем состоянии.

“Братья, мы наблюдаем, что там, где строятся ваши новые дома, очень много леса срезано с богатой равнины, которую мы хотели бы поощрить вас расчистить и сделать пригодной для вспашки. Мы надеемся, что больше ваших людей помогут расчистить и огородить землю и засеять ее кукурузой, а также пшеницей; тогда у вас будет запас провизии, от которого вы будете зависеть надежнее, чем от охоты.

“Братья, мы рады видеть, что ваше поголовье скота увеличилось. Плодородных низин на реке будет достаточно, чтобы прокормиться летом; но, поскольку ваши зимы длинные и холодные, им потребуется что-то, чем они смогут прокормиться зимой. Белые люди держат свой скот на сене, соломе и кукурузном корме. Солому вы не сможете получить, пока не вырастите пшеницу или другое зерно; плодородные днища, если привести их в порядок, дадут много сена. Но что касается немедленных поставок, мы думаем, что, как только вы соберете кукурузу, если вы срежете стебли вплотную к земле, свяжете их в небольшие пучки и сложите в стога, как это делают наши молодые люди, они защитят ваш скот от холодов.

“Братья, мы рады видеть, что этим летом построено много изгородей, и мы не хотели бы, чтобы вы разочаровывались в труде, которого это требует; ибо, если вы будете каждый год расчищать немного больше земли и огораживать ее, вы скоро получите достаточно, чтобы вырастить столько хлеба, сколько вам нужно, а также немного травы, чтобы заготовить сено для вашего скота зимой.

“Братья, мы понимаем, что вы хотите воспрепятствовать распространению среди вас виски, чему мы очень рады, и должны быть рады, что вы смогли полностью отказаться от него. Чтобы получить его, вы отдаете свои деньги, на которые вы должны купить одежду, быков и т. Д.”

Индейцам также сообщили, что один из молодых людей, находившийся там с момента основания поселения (около шестнадцати месяцев), очень боялся покинуть их и вернуться к своим друзьям до наступления зимы. Они надеялись, что его место займет другой.

“Cornplanter от имени нации выступил с ответом, по существу следующим:—

“Когда наши юные друзья впервые поселились среди индейцев, многие из его вождей были против этого; но этим летом они провели между собой несколько советов относительно молодых людей, и все вожди, видя их хорошее поведение и готовность помогать индейцам, теперь были вполне удовлетворены. Он надеялся, что некоторые из его молодых людей

добьются в сельском хозяйстве большего, чем прежде; и друзья не должны расстраиваться из-за того, что было сделано так мало; но проявите терпение по отношению к ним, поскольку им было трудно сильно изменить свои древние обычаи. Он сожалел о потере друга, который, как предполагалось, вскоре покинет их; он сказал, что был полезен ему, убрав из города виски и другие крепкие напитки; что теперь они пили гораздо меньше, чем раньше; но боялись, что, когда друга не станет, он будет убирать их так же тщательно, как делал это в последнее время".

Мы приводим следующий отрывок в качестве интересного описания прогресса в одном из важнейших обстоятельств, отличающих цивилизованное состояние общества от варварского.

“В девятом месяце этого года (сентябрь 1801 г.) трое членов комитета посетили поселение в сопровождении своего молодого друга, кузнеца, который отправился обучить некоторых индейцев этому полезному и необходимому занятию. Двое из посетителей бывали здесь раньше. Прошлой весной индейцы впервые начали пользоваться плугом; мужчины выполняли эту работу с небольшим инструктажем и помощью друзей. Они использовали очень осторожный метод определения того, будет ли это изменение выгодным для них или нет. Несколько участков очень большого поля были вспаханы, а промежуточные участки, согласно древнему обычаю, были подготовлены их женщинами с мотыгой. Вся она была засеяна кукурузой; и вспаханные участки, помимо большой экономии труда, давали гораздо более обильный урожай; стебли были более чем на фут выше и пропорционально крепче, чем на пропаханной земле. Кукуруза теперь созрела и собиралась; и поскольку их поголовье скота значительно увеличилось, вместо того чтобы оставлять стебли и листья погибать на земле, как это было раньше, они сохранили их на зимний корм. Некоторые из них скосили траву и сложили небольшие стога сена; и они соорудили забор длиной около двух миль, который окружает нижний город и большой участок прилегающей земли, выходящий на реку; также внутри него было несколько других заборов, чтобы отделить кукурузные поля от пастбища, и т.д.

“Хижины, в которых они раньше жили, обычно либо приходили в упадок, либо сносились. Большинство из них построили добротные бревенчатые дома с дранковыми крышами, а некоторые - с каменными дымоходами.

“За исключением домов и заборов, улучшения в Дженешадаго не шли ни в какое сравнение с поселениями в верхних слоях, где индейцы жили более рассеянно. То, что они, таким образом, поселились отдельно друг от друга, уже явно было им выгоднее, чем совместное проживание в деревнях. Вождь, который не стыдится, что женщины из его собственной семьи видят его за работой, вероятно, был бы сильно огорчен, если бы его обнаружили несколько женщин, которые в таких случаях не всегда удерживаются от насмешек. И все же этот ложный стыд со стороны мужчин и насмешки со стороны женщин проходят по мере того, как они привыкают к помощи друг друга в своих небольших сельскохозяйственных работах.

“Друзья попросили совета у главных женщин города Дженешадаго, что было с готовностью предоставлено, когда им было угодно сообщить кое-что, относящееся к их ситуации. Женщины выразили свою благодарность Великому Духу за то, что он дал им этот совет; по их словам, эти слова запали глубоко в их сердца, и они надеялись, что никогда не будут забыты ими. Присутствовали плантатор кукурузы и его брат Конедье.

“Индейцы стали очень трезвыми, обычно воздерживаясь от употребления крепких напитков, как дома, так и за границей, среди белых людей. Один из них заметил нашему комитету:

“Больше никаких хижин из коры, только хорошие дома; больше не напиваться в течение этих двух лет””. — стр. 24, 25, 26.

Мы добавим еще только одно доказательство прогресса, которого достигла промышленность среди этих племен, на примере трудолюбивых и рассудительных квакеров. Одно племя проложило дорогу длиной в двадцать две мили, а несколько семей в одном месте расчистили и огородили шестьдесят акров хорошей земли.

“Невозможно размышлять о впечатляющем успехе, сопутствовавшем этим экспериментам, не отметив, что отчасти он был обусловлен характером квакеров, а также мудростью планов, которые они здесь приняли. Общая репутация этой секты как миролюбивой и честной, а также спокойные манеры тех, кого они отправляли жить к индейцам, не могли не обезоружить любое отвращение диких туземцев к чужакам и укрепить их доверие и уважение. Даже их молчаливость благоприятствовала намеченной цели. ‘Ваши молодые люди,’ сказал вождь на одном из их советов, ‘мало разговаривают с нами, но когда они это делают, то говорят только хорошее и были очень полезны, удерживая нас от употребления спиртных напитков’. Их пунктуальное выполнение обязательств и регулярность всех их привычек оказали такое же благотворное влияние на завоевание уважения индейцев. ‘Братья,’ сказали они на совещании, которое было проведено с целью разъяснения некоторых разногласий, ‘братья, мы вполне удовлетворены вашим отношением к нам. Вы всегда выполняли то, что обещали’. Мы приводим следующий анекдот как иллюстрацию того влияния, которое характер секты оказал на успех их эксперимента, и как интересный сам по себе. Вечером, когда друзья сидели с главным воином, он сказал, что хотел бы задать им вопрос, но почти испугался. Они хотели, чтобы он заговорил, и они предоставят ему такую информацию, какую смогут. Это было “Держат ли квакеры каких-нибудь рабов?” Ему сказали, что нет. Он сказал, что очень рад это слышать, потому что, если бы они сохранили что-нибудь, он не мог бы думать о них так хорошо, как сейчас. Что прошлой зимой он был в Вашингтоне по делам нации и обнаружил, что многие белые люди держат чернокожих в рабстве и используют их не лучше, чем лошадей.

Исходя из этих причин, а также благодаря замечательной осмотрительности и здравому смыслу, которые руководили формированием этих планов, это маленькое общество квакеров ценой невообразимо незначительной обеспечило цивилизацию индейских племен и заложило основу для полного их превращения из бродячих, беспокойных и праздных охотников в мирных и трудолюбивых земледельцев. Миссионеры оставили этих детей на своем попечении, взаимно довольные прогрессом и результатами их трудов. Впервые европейцы жили среди них, не преследуя корыстных целей; впервые они не получили дурного урока и не пострадали от общения с более утонченными сообществами; впервые со времен путешествия Колумба незнакомец и друг стали совместимыми именами — естественная антипатия к новым лицам исчезла в ходе дальнейшего знакомства — и тому, кого встретили с недоверием, было позволено лишь уйти со слезами. Индейские племена рассматривают отъезд миссионеров-квакеров как национальное бедствие и не боятся консультироваться со своим обществом по всем важным вопросам”. [83]

Успех, сопутствовавший доброжелательным усилиям квакеров, служит наглядным доказательством возможности избавления американских аборигенов от дикого состояния. Не следует, однако, предполагать, что усилия других миссионеров были столь же успешными;

читатель также не должен делать вывод, что даже усилия квакеров привели к каким-либо значительным и прочным изменениям в положении краснокожих. Как бы мы ни беспокоились о цивилизации американских дикарей, нет более определенного исторического факта, чем то, что они еще не цивилизованы. Миссионеры и проповедники - не те люди, которые способны произвести какие-либо серьезные изменения в состоянии этих детей природы. О том, что усилия миссионеров в большинстве случаев оказались безрезультатными, красноречиво свидетельствует следующее письмо индейского вождя:

ПИСЬМО ОТ КРАСНОЙ КУРТКИ.

Канандайгуа, 18 января 1821 г.

“Брат Пэрриш,

“Я обращаюсь к вам, а через вас - к губернатору.

“Вожди Онондаги сопровождали вас в Олбани по делам с губернатором; я тоже должен был быть с вами, но, к сожалению, вынужден сообщить, что плохое самочувствие не позволило мне сделать это. За это вы не должны думать обо мне плохо. Я не виноват в этом. Такова воля Великого Духа.

“Целью Онондагас является покупка наших земель в Тонневанте. Это и все другие дела, которые им, возможно, придется делать в Олбани, должны решаться в присутствии губернатора. Он проследит, чтобы сделка была заключена честно, чтобы у всех сторон были основания быть довольными тем, что будет сделано, и когда потребуется наша санкция на сделку, она будет дана добровольно.

“Я очень сожалею, что в настоящее время состояние моего здоровья помешало мне сопровождать вас в Олбани, поскольку нация пожелала, чтобы я изложил губернатору некоторые обстоятельства, которые показывают, что цепь дружбы между нами и белыми людьми изнашивается и нуждается в обновлении.

Однако сейчас я приступаю к изложению их вам в письме, чтобы вы могли сообщить о них губернатору и потребовать возмещения ущерба. Он назначен вершить правосудие по отношению ко всем, и индейцы полностью уверены, что он не допустит, чтобы с ними поступали безнаказанно.

“Первая тема, на которую мы хотели бы обратить внимание губернатора, - это грабежи, которые белые люди ежедневно совершают в отношении самой ценной древесины в наших резервациях. Это было предметом наших жалоб в течение многих лет; но теперь, и особенно в это время года, это стало тревожным злом и требует немедленного вмешательства губернатора в нашу защиту.

“Наш следующий предмет жалобы - частые кражи белыми людьми наших лошадей и крупного рогатого скота, а также их привычка забирать и использовать их, когда им заблагорассудится, и без нашего разрешения. Это зло, которое, кажется, наваливается на нас с увеличением числа наших белых соседей, и они громко требуют возмещения ущерба.

“Еще одно зло, возникающее из-за давления белых на нас и нашего неизбежного общения с ними, - это частота, с которой наших Вождей, Воинов и индейцев бросают в тюрьму, и это тоже по самым пустяковым причинам. Это очень оскорбляет наши чувства, и этого не следует допускать до той степени, до которой наши белые соседи сейчас используют эту практику для удовлетворения своих дурных пристрастий.

Белые также сильно мешают нам охотиться и ловить рыбу. Нашу оленину крадут с деревьев, куда мы ее вешаем, чтобы забрать после охоты. Наши охотничьи лагеря подверглись обстрелу, и нас предупредили, что нам больше не разрешат преследовать оленей в тех лесах, которые еще так недавно были полностью нашими. Рыба, которая раньше снабжала нас пищей в ручьях Баффало и Тонневанте, теперь из-за плотин и других препятствий белых людей не может размножаться, и мы почти полностью лишены этой привычной пищи.

“Наш Великий Отец, Президент, рекомендовал нашим молодым людям быть трудолюбивыми, пахать и сеять. Мы это сделали; и мы благодарны за совет и за те средства, которые он предоставил нам для его осуществления. Вследствие этого мы стали счастливее; но другая вещь, которую нам рекомендовали, *создала среди нас большое замешательство и делает нас сварливым и разделенным народом; и это внедрение проповедников в нашу нацию.* Эти чернорубашечники продолжают добиваться согласия некоторых индейцев проповедовать среди нас, и где бы это ни происходило, за этим обязательно последуют смятение и беспорядки, а неизменным следствием являются вторжения белых на наши земли. Губернатор не должен думать обо мне плохо за то, что я так отзываюсь о проповедниках; я наблюдал за их прогрессом, и когда я оглядываюсь назад, чтобы увидеть, что происходило в старину, я вижу, что всякий раз, когда они появлялись среди индейцев, они были предшественниками их рассеяния; что они всегда возбуждали вражду и ссоры между ними; что они ввели на свои земли белых людей, которые грабили их и отнимали их имущество; и что индейцы были уверены, что их численность будет уменьшаться пропорционально количеству проповедников, которые появлялись среди них.

“У каждого народа свои обычаи и своя религия. У индейцев есть свои, данные им Великим Духом, под властью которого они были счастливы. Не предполагалось, что они должны принять религию белых и быть уничтоженными попыткой заставить их думать по этому вопросу иначе, чем их отцы.

“Это правда, что эти проповедники получили согласие некоторых вождей остаться и проповедовать среди нас, но я и мои друзья знаем, что это неправильно, и что их следует убрать; кроме того, нам угрожал мистер Хайд, который пришел к нам в качестве школьного учителя и наставника наших детей, но теперь стал черным мундиром и отказался учить их дальше, что если мы не послушаем его проповеди и не станем христианами, нас выгонят с наших земель. Мы хотим узнать у губернатора, так ли это на самом деле, мы думаем, что его следует изгнать с наших земель и не позволять ему больше досаждать нам. Мы никогда не будем спокойны, пока он среди нас.

“Мы также боимся, что эти проповедники мало-помалу обеднеют, *и заставят нас платить им за то, что они живут среди нас и беспокоят нас.*

“Некоторые из наших вождей обленились и вместо того, чтобы самим обрабатывать свои земли, нанимают для этого белых людей. В настоящее время в наших резервациях в Буффало

проживает одиннадцать белых семей; это неправильно, и этого нельзя допускать. Главный источник всех наших жалоб заключается в том, что белые люди находятся среди нас. Пусть их уберут, и мы будем счастливы и довольны друг другом. Теперь мы взываем к губернатору о помощи и надеемся, что он рассмотрит наши жалобы и быстро возместит нам ущерб.

“Красная куртка”.

Это письмо было продиктовано Красной Курткой и истолковано Генри Обилом в присутствии следующих индейцев:

- “Сын Красной Куртки, Плантатор Кукурузы,
- Джон Кобб,
- Питер, брат молодого короля,
- Младенец Том,
- Голубое Небо,
- Джон Скай,
- Джемми Джонсон,
- Маркус,
- Большой Пожар,
- Капитан Джемми. [84]

К этому можно добавить свидетельство Тимоти Флинта, у которого было достаточно возможностей судить о влиянии программы обращения в свою веру на характер индейцев.

“За время моего долгого пребывания, ” замечает он, “ в долине Миссисипи я видел их [индейцев] со всех точек зрения: на охоте, когда они жили в своих хижинах, на своих постоянных стоянках, диких и бесхитростных в лесах, в их советах и депутациях, при заключении договоров в наших городах. Я видел их самых мудрых, храбрых и рассудительных; и я видел несчастные семьи, которые слоняются по большим городам, торгуя и попрошайничая, опьяненные, подавленные, грязные и несчастные, настоящие изгои природы. Я много видел криков и чероки, чья цивилизация и совершенствование так превозносятся. Я видел жалкие остатки племен в низовьях Миссисипи, которые разгуливают по Новому Орлеану. В Александрии и Нахиточесе я вел наблюдения за индейцами этих регионов и из соседней страны Новой Испании. Я жил в Арканзасе и был знаком с его дикарями. Пока я был в Сент-Чарльзе, со скалистых гор спустились дикари, такие неукротимые, так непривычные к обычаям белых, что, как говорили, они никогда не ели хлеба до этого путешествия. Пока я был в Сент-Луисе, большая делегация из северных пунктов Миссури, Миссисипи и Озер, состоявшая из избранных их главных воинов и вождей, численностью 1800 человек, находилась там в течение длительного времени. Они были там для заключения договоров и урегулирования отношений, которые были разорваны во время войны, в которой большинство из них принимало враждебное по отношению к Соединенным Штатам участие. Таким образом, я наблюдал за Северными, средними и южными индейцами в течение десяти лет и упоминаю об этом только для того, чтобы доказать, что мои возможности наблюдения были значительными и что я не берусь составить суждение об их характере, не повидав, по крайней мере, многого из этого”.

Изложив таким образом обстоятельства, позволившие ему высказать свое мнение по вопросу об индийской цивилизации, он утверждает, что усилия религиозных миссионеров в долгосрочной перспективе не увенчались каким-либо видимым успехом. Похоже, он также не сильно отличается от результатов двух романистических миссий, яркие и оживленные отчеты о которых были опубликованы несколько лет назад.

“Католики, ” замечает он, “ заставили многих повесить себе на шею распятие, которое они демонстрируют вместе со своими медалями и другими украшениями; но слишком часто это все, что у них есть, чтобы обозначить их как христиан. Я беседовал со многими путешественниками, которые перевалили через каменистые горы и побывали в Великих Миссионерских поселениях Святого Петра и Святого Павла. Эти путешественники, — а некоторые из них были убежденными католиками, — объединяются в утверждении, что новообращенные сбегут со своей миссии, как только это будет в их силах, убегут в свои родные пустыни и сразу же вернуться к своему старому образу жизни. Вся обширная империя иезуитов в Парагвае исчезла, и, как нам сказали, потомки обращенных ими индейцев ничем не отличаются от других дикарей. Мне кажется, что христианство - это религия цивилизованного человека, что дикари должны сначала стать цивилизованными, и что, поскольку мало надежды на то, что нынешнее поколение индейцев может быть цивилизованным, мало надежды на то, что они будут обращены в христианство ”.

[85]

К вышесказанному я добавлю свидетельство сэра Фрэнсиса Бонд-Хеда, который в одном из своих посланий лорду Гленелгу так описывает результаты, к которым привели усилия миссионеров.

“Когда бы и где бы ни соприкоснулись две расы, это наверняка окажется фатальным для красного человека. Как бы храбро он ни сопротивлялся в течение короткого времени нашим штыкам и огнестрельному оружию, рано или поздно смерть призовет его подчиниться ее указу. Если мы протянем ему руку дружбы, жидкий огонь, который он предлагает выпить, окажется еще более разрушительным, чем наш гнев; и, наконец, если мы попытаемся обратить индейцев в христианство и ради этого священного предмета поселим их в деревнях с прочными бревенчатыми домами, какими бы прекрасными ни казалась такая теория, это неоспоримый факт, к которому я без колебаний добавлю свое скромное свидетельство, что как только начинается сезон охоты, мужчины (из теплой одежды и теплых домов, потерявшие выносливость) погибают или, скорее, массово гниют от чахотки; *в то время как, что касается их женщин, то любой внимательный наблюдатель не может удержаться от замечания, что цивилизация, несмотря на чистое, честное и неослабевающее рвение наших миссионеров, каким-то проклятым способом побледнела на лицах их младенцев; короче говоря, наша филантропия, как и наша дружба, потерпели неудачу в своих профессиях....* Я верю, что каждый здравомыслящий человек в этой стране, бескорыстный в своем обращении и знакомый с индийским характером, согласится с этим

Во—первых, попытка сделать из краснокожих фермеров была, вообще говоря, *полным провалом.*

Во—вторых, то, что их объединение с целью цивилизации насадило гораздо больше пороков, чем искоренило; и, следовательно,

“В—третьих, величайшая доброта, которую мы можем оказать по отношению к этому интеллигентному и простодушному народу, - это максимально отстранить их от любого общения с белыми”. [86]

В ответ на эти заявления в газетах появилось много статей, в основном написанных миссионерами и богословами, которые заинтересованы в миссионерской программе и которые, мы можем быть уверены, не сказали бы по этому вопросу ничего, что могло бы помешать религиозным организациям выступить со своими подписками. Однако к их заявлениям следует относиться с осторожностью и беспристрастно рассматривать их. Людям со сравнительно слабым интеллектом (нечасто публикуется какое-либо другое описание миссионеров), заинтересованным в успехе своих планов, не следует безоговорочно доверять, если только их свидетельства не будут подтверждены другими авторитетами. В данном случае заявления методистов и других миссионеров находятся в прямом противоречии с заявлениями более беспристрастных людей, которые пользовались равными возможностями для формирования точного суждения. Хотя свидетельства, представленные обеими сторонами, категорически противоречат друг другу, все же со своей стороны я принимаю то, что имеет санкцию церкви, *поскольку я не могу найти во всех исторических источниках примера лжи или подлога со стороны религиозных людей! (?)* С незапамятных времен они говорили правду, когда этого требовали интересы их религии, и действительно было бы аномалией, если бы в нынешнюю эпоху они отклонились от курса, которого придерживались последние восемнадцать столетий.

Теперь я предпринял обзор основных черт характера, проявляемых аборигенами Америки, насколько позволяли мои сведения и способности. Если бы я мог раздобыть книгу мистера Кэтлинза "Путешествия" или работу об индейцах, которая сейчас находится в печати, пока я составлял эти очерки, я смог бы сказать гораздо больше о манерах, обычаях, религии и цивилизации несчастных и угнетенных краснокожих. Однако, поскольку эта работа еще не опубликована, я должен попытаться завершить этот трактат несколькими размышлениями, подсказанными предыдущим повествованием.

Читателю должно быть очевидно, что характер индейцев пропорционален ассоциациям, под влиянием которых они воспитываются. “Аборигены Америки,” выражаясь языком Тимоти Флинта, “угрюмая и задумчивая раса, чье знакомство с дикой природой делает их угрюмыми и серьезными. Как могло быть иначе? Они больше привыкли созерцать скалы, леса и могучие реки трансатлантического мира, чем те объекты, которые возбуждают разговорчивость человечества”. Что бы ни говорили некоторые люди о внутренней силе “разума”, “воли” и “волеизъявления” в формировании человеческого характера, все, кто путешествовал по местам физического величия, признают, что пейзажи оказывают огромное влияние на людей. Вид могучего Маранона или Святого Лаврентия, катящих свои огромные массы воды к океану, скорее вызывает чувство возвышенности, чем ту беззаботность духа, которая проявляется в громких раскатах смеха и которая обычно связана с острым восприятием смешного. Североамериканский индеец с младенчества вынужден общаться со скалами, реками и почти бескрайними лесами; он слышит раскаты бури и воображает, что его манитто отзывается громом из облаков; и естественным следствием такого постоянного знакомства с дикой природой является определенная степень серьезности и угрюмости в его поведении. Способ, которым он воспитывается или тренируется, способствует развитию этой привычки, и все окружающие его обстоятельства, будь то физического, умственного или морального характера,

имеют тенденцию делать это элементом его характера. В самом деле, если принять во внимание обстоятельства, окружающие этих детей дикой природы, их способ добывания средств к существованию, способ, которым они получают образование, природу их религии и их методы ведения войны, не будет ничего удивительного в том, что они проявляют такую степень серьезности и уग्रюмости, которая редко встречается среди образованных народов.

Печальная и болезненная правда заключается в том, что белые действовали по отношению к дикарям Америки таким образом, чтобы предубеждать их против благ и искусств цивилизации. Белые люди грабили и убивали индейцев, бросали их вождей в тюрьму и обращались с ними так, как будто они созданы для того, чтобы их топтали; а затем поднимали шум всякий раз, когда индейцы пытались нанести ответный удар. Христианские миссионеры также не действовали по отношению к несчастным краснокожим так, как это было положено по их призванию к миру и филантропии. Это видно из письма, написанного индейским вождem Красной Курткой, который был хорошо знаком с поведением миссионеров и чьи свидетельства более достойны доверия, чем *откровения* заявления этих распространителей Евангелия. Поведение белых по отношению к индейцам, алчность, с которой они обращались с ними, и то, как они нарушали все свои обещания, представляют собой мощное препятствие на пути прогресса индейской цивилизации. Эксперименты пенсильванских квакеров доказывают, однако, что этот барьер не является непреодолимым. О том же свидетельствует частичный успех, сопутствовавший усилиям некоторых уэслианских миссионеров в Канаде. Хотя нам не следует безоговорочно доверять всему, что говорят эти святые мужи об успехе их усилий, тем не менее есть веские основания полагать, что у них есть некоторые основания для своих преувеличенных заявлений. Некоторые индейские племена, по крайней мере, какое-то время, были частично цивилизованными; и этот факт доказывает, что вся их цивилизация не является невозможной. Но "*чернокожие*", если использовать язык Красных мундиров, - это не те люди, которые способны выполнить подобное предприятие. Они действительно могут обратить индейцев в христианство и таким образом навлечь на них все бедствия, возникающие в результате распространения догматического сектантства; но что касается цивилизации этих дикарей, то усилия христианских миссионеров наверняка окажутся безуспешными, если они не изменят свой план действий. Ремесленники и механики с честным характером, верные своим обещаниям и полностью пропитанные "молоком человеческой доброты", были бы лучшими миссионерами, которых можно было бы послать среди индейских племен. Пример таких людей за короткое время сотворил бы чудеса среди индейцев. Успех эксперимента квакеров подтверждает это предположение.

Может показаться странным, что добрые люди, которые рассказывают такие *трогательные истории* о любви Христа, проявляющейся в поведении обращенных язычников, и которые публикуют такие чудесные отчеты о беспрецедентном успехе, сопутствующем миссионерским усилиям, *ad captandum vulgus*, имели такой небольшой успех среди индийцев. Этот феномен, однако, несколько не удивляет любого, кто изучал индийский характер. Все согласны с тем, что какие бы пороки ни искажали характер индийского воина, он в некоторых отношениях отличается благородством души, которое редко встречается у цивилизованных народов. Само это благородство заставляет его смотреть на белых свысока, как на лживую и вероломную расу. Он свято держит свое слово; если он дает клятву, он выполняет свое обещание. Белые нарушили почти все договоры, которые они заключили с индейцами. У них политическая целесообразность берет верх над справедливостью, честью и правдой. Миссионеры тоже во многих случаях пытались пробиться на должность и вести праздную жизнь вместо того, чтобы

“учиться и по-настоящему трудиться, чтобы самим зарабатывать себе на жизнь, и выполнять свой долг в том состоянии жизни, к которому Богу было угодно призвать их”. Для людей, ненавидящих несправедливость и ложь, естественно презирать служение таких учителей. Это, по-видимому, одна из многих причин, которые помешали усилиям миссионеров увенчаться успехом.

И действительно, если бы у индейцев хватило мудрости предвидеть последствия, которые могут возникнуть в результате успеха миссионерских планов, они не только отвергли бы служение таких учителей, но и изгнали бы их со своих территорий. “Бледнолицые” всегда опасны для американца. Где бы ни раздавались звуки азиатского евангелия, за ними немедленно следовал грохот европейских пушек. *Бренди, Осла и Евангелие* – вот три главных благословения, которые мы дали красным людям. Последствия, вытекающие из двух первых, были более масштабными, чем те, которые вытекают из последнего. Белые должны отказаться от своих собственных пороков, прежде чем они смогут рассчитывать на цивилизованность аборигенов Америки.

[Джошуа Хобсон, печатник, Маркет-стрит, 5, Бриггейт, Лидс.]

СНОСКИ

- [1] "История Америки" Робертсона, том 1. б. 3.
- [2] "История Америки" Робертсона, Примечание 46.
- [3] Пенни Циклопедия, арт. Америка.
- [4] Очерки индийской истории Бьюкенена, том 1, стр. 37.
- [5] Эссе Монтеня, книга, 1, глава 30, перевод Коттона.
- [6] Обращение к Нью-Йоркскому обществу, стр. 49, 50.
- [7] Обращение к Нью-Йоркскому обществу, стр. 71.
- [8] Исторический очерк индийских народов Хеквелдера, стр. 124.
- [9] Воспоминания Хантера о пленении у североамериканских индейцев, стр. 43 и с.
- [10] Очерки Бьюкенена "Североамериканские индейцы", Введение, стр. 14.
- [11] Мемуары Хантера, стр. 48.
- [12] "Путешествия Марше", iv. 353.
- [13] Гумилла, ii. 101.
- [14] М. Фабри, цитируемый Буффеном, iii. 488.
- [15] Эссе доктора Фергюссона, 125.
- [16] Гумилла, i. 265. История Брикелла, Н. Кэрл. 327.
- [17] *История* Deny. Natur. ii. 392, 393.

- [18] П. Мученик. Декад. стр. 45. Венег. История. Калифорнии. i. 66, Лери, Навигация. в Бразилии, ок. 17.
- [19] Акоста, Hist. lib. vi. с. 19. Stadius, Hist. Бразилия, lib. ii. с. 13. Де Брай, iii. стр. 110. Biet 361.
- [20] Labat. vi. 124. Брикелл. История Кэрол. 310.
- [21] Овьедо, библиотека iii. с. 6, стр. 97. Вега. Конкист. де ла Флорида, i. 30, ii. 416. Лаборатория. ii. 138. Бензо, История. Ноябрь. Orb. lib. iv. с. 25.
- [22] Лозана, Описание. del Gran. Chaco, 93. Melendez Teforos Verdaderos, ii. 23.
- [23] Чарлев. История Франции, iii. стр. 266, 268.
- [24] Эррера, библиотека от 8 декабря. 4. с. 8.
- [25] Чарлев. История. Северная Франция, iii. 271, 272. Лафит. i. 486. Кассани, История. de Nuevo. Reyno de Granada, 226.
- [26] "История Америки" Робертсона, том 2, б. 4.
- [27] "История Америки" Робертсона, том 2, б. 4, стр. 23.
- [28] Bossu, i. 140. Лери ап де Брай, 215 лет. Hennepin, Mœurs des Sauv. 41. Lafitau, ii. 169.
- [29] Чарльв. История Н. Фр. 215, 268. Biet. 367, 380.
- [30] Чарлев. История. Н. Фр. 217, 218.
- [31] Чарлев. История. Н. Фр. iii. 237, 238. Хеннеп. Mœurs des sauv. p. 59.
- [32] Чарлев. История. Н. Фр. iii. 238, 307. Biet. 381. Lafitau, Mœurs des Sauv. ii. 248.
- [33] Charlev. iii. 376. Робертсон Хист. Амер. и с.
- [34] Шарлевуа, Журнал и с. let. xxiv, стр. 343.
- [35] Шарлевуа, Журнал и с. let. xxiv, стр. 344.
- [36] Шарлевуа, Журнал и с. let. xxiv, стр. 345-6.
- [37] Шарлевуа, ut, стр. 346.
- [38] Лоскиэль, часть 1, глава 3, стр. 34, 35, 39, 40. Лондон, 1794 год.
- [39] Хеквелдер, стр. 205-6.
- [40] Домашнее животное. Март. Первое десятилетие, библиотека ix. "Священные истоки" Апуда Стиллингфлита, том i, стр. 3. "Вест-Индия Эдуарда", том i, стр. 883.
- [41] Эдвардс, том i, стр. 48-9, и Хьюз, стр. 7. апуд Эдвардс под ред.
- [42] Диссертация Хорсли, дополнение к стр. 47.
- [43] Мы оставляем национальных богословов отвечать на это.

- [44] Исторический журнал, стр. 351.
- [45] Чарлев. Журнал, *ut supr.* стр. 372-3.
- [46] Исторический журнал, *ut.* стр. 352.
- [47] Маккензи 8в. т. 1, стр. 155-7.
- [48] Генерал Маккензи. История. Торговля мехами, том 1, стр. 145-6.
- [49] Эдвардс, Вест-Индия, том 1, стр. 73.
- [50] там же. том 1, стр. 47.
- [51] Чарлев. Журнал, стр. 347-8.
- [52] Gen. История торговли мехами, 4-е изд. по. ci. cii. civ. 8-е изд. том 1, стр. 123, 124, 128.
- [53] "История североамериканских индейцев" Адера, стр. 115, 117.
- [54] Исторический очерк Индии Хеквелдера, стр. 204, 207.
- [55] Лоскиэль, стр. 40.
- [56] Лоскиэль, часть 1, глава iii. стр. 42, 43.
- [57] Вест-Индия Эдвардса, стр. 47, 51.
- [58] Маккензи, 8-й том. 1, стр. 153.
- [59] Там же, стр. 124, 128, 129.
- [60] Лоскиэль, стр. 39, 40, 42, в дополнении к калькуляции.
- [61] Путешествия Бартрама по Северной и Южной Каролине, Джорджии, Восточной и Западной Флориде и др. Лондон, 1792, 8 т. с. 495.
- [62] "История североамериканских индейцев" Адера, стр. 80, 81.
- [63] Odyss, библиотека. iii, с. 418, 460.
- [64] Энеид. библия. iii, 1. 80.
- [65] Журнал Шарлевуа, стр. 361, 362.
- [66] История Хеквелдера. Отчет, *ut supr.* стр. 224.
- [67] Исторический очерк индейцев Хеквелдера, *ut выше.* стр. 229, 234.
- [68] История Хеквелдера. Рассказ об индейцах, стр. 232, 233.
- [69] Путешествие Хирна к Северному океану. Дублин, 1796, стр. 221. —Примечание.
- [70] "Путешествия Бартрама", *ut.* выше. стр. 415.
- [71] Исторический отчет Хеквелдера, стр. 93.

[72] Очерки индийского гольца. том 1, стр. 18.

[73] Де Витт. Речь Клинтона, стр. 56.

[74] Это сообщение является подлинным; я получил его, говорит мистер Хеквелдер, из уст начальника потерпевшей стороны, и его заявление было подтверждено сообщениями, сделанными в то время двумя уважаемыми магистратами округа.

[75] Письмо судьи Гейгера судье Хорсфилду подтверждает этот факт.

[76] Намекает на то, что в то время было известно под названием *прогулка долгого дня*.

[77] Путешествия Карвера, глава 9, стр. 196.

[78] Лоскиель, глава 3, стр. 3.

[79] Послание главы сэра Фрэнсиса Бонда законодательному собранию Верхней Канады, 29 января 1838г.

[80] Жизнь Уилберфорса, том iii.

[81] Martin's North America, Vol. iii, стр. 261.

[82] Документы Палаты общин, 1834, № 617, стр. 54.

[83] Edinb. Rev. vol. 8, стр. 442, и далее. Статья пенсильванских квакеров о цивилизации американских дикарей.

[84] Наброски Бьюкенена, том 1, стр. 97.

[85] Флинт прожил десять лет. Миссисс. vid Quarterly Review, № XCV. стр. 214.

[86] Письмо сэра Фрэнсиса Бонда Хеда лорду Гленелгу, 20 ноября 1836г.